

ОНГЕЛЬ ТАЛЬ

КЛИН КЛИНОМ

НАДОЕЛИ НЕДОМОЛВКИ.
ХВАТИТ.
ОН НЕ ХОЧЕТ ДОДУМЫВАТЬ.

18+

Онгель Таль

Клин клином

Серия «Хиты молодежной прозы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68826546
Клин клином : [роман] / Онгель Таль: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-149567-1

Аннотация

Денис не так представлял себе лето после первого курса: в глуши без интернета, со множеством работы по дому и огороду. Мама решила, что в забытом богом Ручейном будет легче дышать, а помощь бабушке оказалась лишь хорошим предлогом для «ссылки». Вот только ночные кошмары не хотят оставить его в покое.

Из развлечений в поселке – общение с местными ребятами, прогулки к реке и уроки игры на гитаре. Правда, здесь у каждого есть скелеты в шкафу, которые одни прячут за улыбками и радушием, а другие – за неприязнью. И Денис надеется разобраться, чем он так не угодил хмурому и язвительному Мурату, с которым сталкивается изо дня в день.

Содержание

Язва	5
Взгляд	18
Ночь	27
Мила	39
С дождем	52
Мед и яблоки	61
Ревностные стражники	74
Недомолвки	90
Не пустое место	110
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Онгель Таль

Клин клином

© Таль О., 2023

© ООО «Издательство «АСТ», 2023

Иллюстрация на обложке – _artnikita_

Серийное оформление – Екатерина Климова

* * *

Язва

Запах навоза бьет в нос. Денис отшатывается; его глаза сочатся слезами. Это лето в буквальном смысле – полное дерьмо. В то время как счастливые одноклассники тусуют в Новосибире, он удобряет капустные грядки под строгим надзором бабули. Не где-то, а в Ручейном, богом забытом ПГТ. Денис Царев по жизни не в ладах с везением.

– Хватит тебе лопатой махать, еще огурцы, – бабулин голос натужно доносится из-за спины, – до ужина бы успеть.

Стараясь не дышать носом, Денис с характерным шлепком уплотняет лопатой навозную кучку. Еще и огурцы. Если капуста растет обильно на всех восьми грядках, то теплица с огурцами больше похожа на плантацию. И это все нужно как следует полить и удобрить. Невероятно.

Еще почти два часа он, как заводная обезьянка, носится от бочки с навозом к огороду и обратно. Под конец живот утробно урчит, а чувство собственного достоинства требует постоять под горячим душем как минимум минут десять.

Родители отправили бесхозного Дениса к бабушке с целью развеяться, ведь каникулы, они уверены, – пустая трата времени. Другое дело – провинция. Родственники давно жаловались на нехватку рабочих рук. Что ж, сказано – сделано.

За несколько дней здесь Денис понимает, что скука – двигатель прогресса, а истеричные крики бабули – еще и мощ-

ный побудитель к действию. Новенький смартфон с горем пополам ловит одну палочку связи. Этого хватает, чтобы посмотреть две-три фотки в новостной ленте. Два месяца с откровенно плохим интернетом обещают в конце каникул настоящий бум непросмотренного контента.

Эх, как хочется сейчас моргнуть и оказаться в конце августа рядом с междугородним автобусом. Отныне книги, работа в огороде и бытовые дела – спутники Дениса на все лето.

– Ба, я в душ. – Потная кенгуруха снимается на ходу, как и скользкие галоши. – Скажи Катюшке.

Замок на двери в душевую сломался еще осенью, но младший сын бабули Николай был в армии, а дедушка уехал в город на лечение, поэтому женщины в доме не волновались. Но когда в гости приехал внук, все изменилось. Пару раз Катя, конопатая и рыжеволосая жена Николая, забывала про замок и на автомате врывалась в душевую. А потом вылетала оттуда, как пробка от шампанского, стремительно и громко.

Уставший и чистый Денис стоит у телефона, прислонившись к стене. Напротив него – высокое зеркало, облепленное наклейками из-под жвачки. В нем отражается скучающий он со светлыми мокрыми волосами.

– У тебя все хорошо? – звучит из трубки.

– Скажем так – могло быть и лучше, ма, – Денис поджимает губы.

– Понимаю... Кушаешь как? Хорошо?

– Да, тут грех жаловаться. Катюшка действительно отпад-

НО ГОТОВИТ.

— Да, она хорошая жена. Присмотрись, может найдешь там такую же порядочную невесту, — мама тихо хохочет. — А бабушка здорова? Надеюсь, ты ее не расстраиваешь своим поведением?

— С ней все хорошо. — Денис демонстративно морщит лицо. — Ма, она до ужаса строгая и крикливая. Теперь ясно, почему папа такой молчаливый. И слух у нее просто отменный — она слышит, как я косячу, даже будучи у соседей в гостях!

— Значит, попридержи язык. Где твое уважение?

Денис воровато зыркает по сторонам. Бабушкины шаркающие шаги слышны на кухне.

Голос матери между тем продолжает:

— У отца сейчас аврал. Боюсь, что на этой неделе я не смогу отправить тебе на карманные расходы. Потерпишь, милый?

— Здесь и тратить-то негде. Так что все тип-топ.

— Я тут посмотрела твою программу на следующий год. — Мама устало вздыхает. Денис тут же напрягается. — Часы по экономике и истории почему-то урезаны. А лишнего-то понапихали — Бог мой! Вот скажи мне, для чего тебе философия? Я подумала, может, записать тебя на курсы менеджмента? У них как раз осенью набор.

Снова-здорово. Они в любом случае уже между собой все решили, так к чему это притворство? Дениса самостоятельность со стороны родителей бесит из года в год все сильнее.

– Блин, ма!

– Ну что? Может, хоть раз для разнообразия примешь участие в своем будущем?

– Может, хоть раз для разнообразия спросишь, чего я хочу? – Мать требует участия в его будущем, до чего смешно. Она даже университет этот нелепый навязала, не спросив, просто поставила перед фактом. – Мне, блин, далеко не наср...

– Ну-ка! По губам надавать?

– Блин. – Денис прикусывает язык. – Я, может, хотел походить на философию, ма.

– Сынок, – снова этот примирительный тон, – я и папа хотим для тебя только лучшего...

Поэтому и отправили в ссылку на попечение родственников. Это определенно лучшее.

– ...Но ты бычишься всякий раз, когда мы хотим помочь тебе реализовать себя...

– А ты не слышишь меня!

– ...Поэтому, прошу тебя, не расстраивай отца. Ему сейчас намного сложнее, чем мне или тебе. Не без его помощи...

– Ну началось, – Денис закатывает глаза.

– ...Ты учишься в образцовом университете и получаешь хорошее образование. Сынок, будь благодарен. Или его старания ничего для тебя не значат?

Денис шумно выдыхает в трубку. Отражение в зеркале

выглядит озлобленным и взъерошенным. Он снова зажат со всех сторон. Против авторитета отца, кормильца семьи, не попрешь.

– Ладно, запиши меня на этот курс, если это действительно так важно.

Скорее всего, его фамилия уже давно в бланке на запись.

– Отлично. Спасибо, милый, что относишься к маме с пониманием...

– Обращайся.

– К концу месяца мы с папой что-нибудь организуем для твоего дня рождения, поэтому води себя хорошо с бабушкой и подружись с кем-нибудь.

– Как скажешь. – Денис чувствует, что устал от материнского щебета. – Ма, меня на ужин уже зовут.

– Удачи, милый. Еще созвонимся.

* * *

Природа в этом захудалом поселке, пожалуй, единственный плюс. В больших городах, где новостройки сплошняком, воздух спертый и неприятный. А тут, среди полей и леса, дышится свободно.

Речка, в устье которой стоит Ручейный, мутновато-зеленая, скисшая от сильной жары. Запах ила, доносящийся с берега, Денис не переносит на дух. Выше русло изгибается в сторону подлеска. Там, по словам Кати, из молодежи никто

не купается, много стекла и коряг. А кто сказал, что Денис планирует купаться? Он и плавать-то не умеет. И дай Бог, никогда не научится.

Светлана Николаевна, знакомая семьи и психолог Дениса, поощряет имплозивную терапию: она советует ему чаще смотреть страху в лицо, делать фотографии, чтобы фиксировать этапы борьбы с фобией.

Навык фотографирования, приобретенный еще в школе, сейчас очень кстати. Закат над рекой пылает красным заревом. Денис держится от берега на расстоянии, опасно поглядывая на жирные шапки тины. Много ли в этом месте утопленников за год?

Он боится, к чему могут привести эти мысли, так что достает из кармана блистер с успокоительным. Кажется, люди называют подобное привыканием, ему все равно. Если таблетки помогут не свалиться в приступе нахлынувшего ужаса, значит, ничего страшного. Покрутившись у берега и так и этак, Денис решает разбавить фотосессию перекусом. Наверное, бутерброды, приготовленные Катюшкой, уже промокли от майонеза. Жесткая осока колышется от ветра и приятно щекочет лодыжки; где-то в траве стрекочут кузнечики. Денис жует быстро – больно кусают комары и мошка лезет в уши.

Неожиданно позади раздается хруст веток, и кто-то грузно садится рядом, широко разведя ноги. Денис, чуть не подавившись бутербродом, выпучивает глаза.

Какой-то черноволосый юноша с раскосыми узкими глазами приветствует его скучающим голосом:

– Вечер добрый. Чего, сидишь?

– Сижу. – Денис моргает пару раз по-дурацки. – А ты...

– Мурат Котов. – Чужая ладонь протянута для рукопожатия. – Тебе хоть семнадцать будет? Выглядишь так, будто от предков шкеришься.

– Мне девятнадцать почти. – Денис цедит это сквозь зубы. – А тебе, что, на днях сорокет стукнул?

Мурат беззвучно смеется. В уголках его губ появляются симпатичные впадинки. Действительно, на кота похож.

– Двадцать один мне. – Он принимается агрессивно хлопать по своим карманам. – Извиняюсь, что нарушил... твоё единение с природой. Я сюда тоже прихожу.

Денис смотрит на упаковку сигарет в его руке. Мурат замечает этот взгляд:

– Не угощаю. Я жмот.

– Я и не курю, – Денис пожимает плечами. – Ты местный?

– Ага. Тебя вот впервые вижу. Гостишь у кого-то?

– Скорее, отбываю срок, – в ответ беззлая усмешка. –

Римма Аркадьевна Царева – моя бабушка.

– О, сочувствую. Страшная женщина. – Улыбка Мурата напряженная, словно ему с трудом дается дружелюбие. – Не любит болтливых, а еще сильнее не любит тех, кто ворует ее яблоки.

Денис не понимает, о каких яблоках речь, ведь у бабули

в избытке одни огурцы. Только он собирается это спросить, как Мурат скрючивается от сухого кашля.

– Блин, все норм? – Денис позволяет себе немного похлопать по чужой спине. – Выглядишь совсем хреново.

Мурату эта вежливая забота не по нраву:

– Убери руку. Глотка просто сухая.

– Не кури, если не умеешь. Курить сейчас вообще не круто, знаешь.

– Сегодня мне можно. – Мурат упрямо берет новую сигарету из пачки.

Денису отчего-то страсть как хочется поспорить:

– Бро, можно не значит нужно.

Мурат на корню пресекает его желание выпендриться, когда резко выдыхает клуб белого дыма ему прямо в лицо.

– Какой еще бро, а? Это не твое дело.

Денис откашливается и отсаживается подальше. Вот же...

– Не очень-то и хотелось. Мне вообще все равно.

– Правильный ответ.

Ну и язва этот Мурат.

Бутерброды все промокли, и есть уже не хочется. Похоже, разговор окончен и ловить больше нечего. Мурашки ползут по ногам от ветерка с реки; вечер становится прохладным. Что-то Денис засиделся.

Мурат почти не шевелится, только медленно затягивается и медленно выдыхает, а в остальном – настоящая статуя. Ему удобно думать, что рядом с ним никого нет.

Денис опускает взгляд на чужие ладони и замечает, какие они маленькие. Руки Мурата легко спутать с девчоночьими – они аккуратные и изящные, как у художника или пианиста. Но вместе с этим Мурат держит между указательным и средним пальцами дешманскую сигарету. Почему-то это совсем не сочетается. Денис думает, что такие руки созданы для искусства, а не для неспешного самоуничтожения.

– Я, наверное, пойду. Спокойной ночи.

Мурат без интереса кивает в ответ.

* * *

Ужин начинается поздно. Бабуля, как обычно, сидит в мягком кресле, нацепив очки с толстыми стеклами, и смотрит «Кривое зеркало». Невестка приносит ей столик с едой и больше не беспокоит. Остальные ужинают на кухне. На речке Денис лишь раззадорил свой аппетит бутербродами, а когда Катя ставит перед ним поджаристую картошку, обильно сдобренную кусочками масла, живот от радости громко бурчит.

Денису очень нравится сидеть вместе за одним столом; даже когда бабушка ужинает вместе с ним – все равно нравится. С веснушчатой Катюшкой приятно проводить время, она улыбчивая и добрая. А бабушка, несмотря на колкость и вечное ворчание, всегда оставляет внуку самое вкусное и не пускает из-за стола, пока все тарелки не будут пустые.

В первый день в Ручейном Денис удивлялся этой семейной сплоченности. С родителями совсем не так. Денис вместе с ними редко ужинает, обычно разогревает уже приготовленное и ест у себя в комнате в компании интернета и конспектов.

Если так уютно есть вдвоем, то интересно, каково это, когда дома дядя и дедушка? Жаль, не выяснить: Денис вернется в город раньше, чем приедет дедушка. Про дядю и думать нечего, закончит службу только через полгода.

– Хорошо погулял? – Добрая Катя всегда что-нибудь спрашивает. Так выражает свое участие.

– Да, встретил кое-кого на берегу. – Денис жует горячую картошку, накладывая себе в блюдечко соленую рыбу с луком.

– Ой, Славку Банина, да? Он частенько в тех местах рыбачит.

– Не, – Денис отрицательно качает головой. – Это был... э-э-э, Мурат вроде? Котов. А что за Славка?

Катя игнорирует его последний вопрос:

– Мурат?

– Да. Он представился так, а еще чертовски напугал меня. Не думаю, что мы подружимся.

– Славу застать там куда проще, чем Мурата. – Катя задумчиво подпирает круглую щеку рукой. – До чего странно... Знаешь, Мурат – особенный мальчик, мало кем интересуется.

– А, то есть это теперь так называется? – Денис кривит рот. – По мне, он зазнавшаяся недотрога. И курит как школоты.

– Он что, тебя чем-то обидел?

– Просто говорю, что вижу. Он равнодушный, с ним каши не сваришь.

Одним только присутствием там, на реке, Мурат испортил Денису все настроение. Не хотелось бы однажды пересечься с ним где-нибудь в темном переулке. Подобное пугает.

– Не удивлена. – Катя ерзает на месте. – Злые языки любят его хаять.

– И что говорят? – Честно, Денису нисколько не интересно, просто беседу неплохо бы поддержать.

– Не буду пересказывать тебе гнусные сплетни старух с моей работы. Скажу только, что сестренка у Мурата настоящее золото, талантливая кнопка. Ладно, ешь, а то остынет.

Катя работает в детском саду воспитателем и страсть как любит детей. Денис уверен, в будущем из нее выйдет супермама.

– Кстати, что там насчет Славы Банина?

Катя кивает и начинает рассказывать.

Славка известен в Ручейном как работающий парень с золотыми руками и характером весельчака. В старших классах он был капитаном футбольной команды. Кроме того, выступал на школьной сцене вместе с Толей Смирновым, местным волейболистом. Со слов Кати, когда команда Славки выхо-

дила на стадион, все вокруг глохли от девчачьего визга.

Сейчас Слава и Толя приезжают в Ручейный только на лето. Оба они поступили в один университет и пытаются сделать спортивную карьеру уже в большом городе. Слава, как всегда, инициатор каких-нибудь молодежных забав или посиделок. То и дело устраивает междусобойчики у костра с песнями под гитару.

Катя вводит Дениса в курс дела с заметным удовольствием. Похоже, она далеко не против их дружбы в будущем.

– Частенько вижу его у реки. Ходит вместе со своим дедом на рыбалку. Он всегда вежлив с Риммой Аркадьевной. Еще до твоего приезда, когда бабушку увезли в больницу, он приходил ко мне с рыбным пирогом, просил передать, когда пойду ее навестить. Стоит ли упоминать – твоя бабушка его очень любит.

– Кого люблю? – раздается сзади. Бабушка ставит в раковину грязную тарелку. Видимо, песенная программа по телевизору уже закончилась.

– Славу Банина, Римма Аркадьевна, – Катя улыбается свежести, принимаясь за мытье посуды.

Денис стоит рядом и услужливо вытирает мокрые кружки и тарелки.

– А, автомойщик, – бабушка кивает. – Гожий, гожий.

– Вообще-то не автомойщик, – исправляет Катя, когда бабушка уходит, – а заправщик. Он сейчас работает на заправке. Вместе с Муратом.

– Никогда бы не подумал, что такой, как Мурат, может работать на заправке. – Денис действительно удивляется, но время позднее, и все мысли быстро уползают, уступая место сонливости.

– Потому что безучастный?

Денис широко зевает.

– Не. Его руки не для такой работы.

Взгляд

Денис медленно шагает по раскаленному тротуару вдоль жилых домов. Даже в тени деревьев вязкий воздух душит, а на лбу выступают капли пота. У Кати смена до вечера, а это значит, что сегодня Дениса полноправно эксплуатирует бабушка. Именно она заставила ковылять до продуктового, всучив длинный список покупок. Только вот незадача – Денис понятия не имеет, где находится ближайший магазин.

– Язык и до Киева доведет, – бубнит он себе под нос, когда видит впереди высокого человека в просторной белой рубашке.

Незнакомец с кем-то увлеченно говорит по телефону, и прерывать его не хочется. Денис незаметно подстраивается под чужой шаг и близко не подходит.

– Ты же знаешь моего отца. – Голос негромкий, но слышно отлично. – Нет, вообще не вариант. На барже? Ты совсем куку? Это же загатник.

Денис всеми силами старается не обращать внимания на разговор, который для его ушей не предназначается. Постепенно становится как-то стремно. Флегматичный подсчет черепиц на ближайших крышах не помогает отвлечься.

– В таком случае я хэзэ. – Парень раздраженно чешет затылок. – Мое предложение в силе до завтра... Нет? Ну, значит, жди выпускного. Все, мне некогда... Все, отключаюсь.

Звук сброса вызова. Денис делает свой шаг более шаркающим и быстрым.

– Извиняюсь. – От его голоса незнакомец вздрагивает. – Где у вас тут продуктовый?

– Привет? – Улыбка в ответ немного рассеянная, но располагающая. – Тут рядом. Нам как раз по пути.

– Денис Царев. Можно Дэн. – Вежливое рукопожатие. – Я здесь недавно. Дома сычую, почти никуда не хожу.

– Кирилл Пегов. Или просто Кир. Здесь невозможно потеряться. Пошли вместе.

Денис не может перестать думать о том, какой Кирилл высокий: чтобы заглянуть ему в лицо, приходится задрать собственный подбородок. К слову, это лицо достаточно смазливое для такого захолюстья. Обычная летняя рубашка, заправленная за пояс бридж, смотрится на Кирилле как на модели. В нем, кажется, воплотились все женские предпочтения, начиная с миндалевидных голубых глаз и заканчивая стройными ногами. Лощеный, с идеальной укладкой и в тщательно выглаженной одежде, Кирилл весь сияет дружелюбием. Его внешний вид хоть и режет глаза своей педантичностью, все равно каким-то чудом располагает к себе.

– Откуда будешь? – интересуется новый приятель, когда оба останавливаются перед пешеходкой.

– Новосибирск. Приехал вот на каникулы. А ты?

– А я местный, но скоро уеду поступать. – Кирилл вытирает пот над верхней губой. – Тебя каким ветром сюда за-

несло?

– Хороший вопрос. – Они идут на зеленый, разгоняя зной вокруг себя размашистыми шагами. – Планируешь, как и все, тоже в Новосиб двинуть?

Кирилл смущенно улыбается:

– Я давно о Москве мечтаю. Не знаю, получится ли.

Весь оставшийся путь они продолжают трепаться о банальных вещах: учебе и откровенно скучном лете. Денис находит Кирилла хорошим собеседником: он умеет слушать, активно участвует в разговоре, ярко жестикулирует и забавно шутит. Такое внимание со стороны местного красавчика почему-то льстит. Как позже выясняется, хорошая внешность – не единственное преимущество Кирилла. Парень он далеко не глупый и активный в делах школы, являлся старостой своего класса на протяжении трех лет. О школьных заслугах он скромно умалчивает, но что-то подсказывает – грамот и дипломов у него достаточно, чтобы претендовать на место в престижном ВУЗе.

Магазин оказывается не так далеко от дома, как думалось. Дверь звякает медным колокольчиком. Сбоку у кассы знакомый голос приветствует вошедших.

– О. – Денис с удивлением поднимает ладонь в знак приветствия.

Мурат за кассой заметно хмурится.

Он ведь на заправке работает, разве нет?

Кирилл скрывается в отделе бытовой химии, даже не удо-

стоив кассира взглядом. Они местные, точно друг друга знают, но Денис видит в черных раскосых глазах Мурата неприкрытую угрозу, а во внешне спокойном лице Кирилла – явное пренебрежение. Любопытно.

– Вы, что ли, знакомы? – Кирилл спрашивает это, когда Денис силится выкатить тележку. – Я про Мурата.

– Да не, просто пересеклись один раз... Блин, выкатывайся давай...

– Ты сейчас ее сломаешь. – Кирилл бескомпромиссно пихает Денису в руки пластмассовую корзину. – Пошли уже, а то проход загораживаешь.

Когда приходит время выкладывать продукты на кассовую ленту, все нутро сжимается от неприятного выжидающего взгляда Мурата.

– А?

– Говорю, пакет брать будешь? – В этом голосе сквозит что-то колючее.

– Два надо.

Видимо, обида после того холодного разговора на реке медленно набирает обороты. На скулах Дениса играют желваки. Мурат умеет уязвлять одним своим присутствием.

Пока тот пробивает товар, Денис втихушку за ним наблюдает. Здесь, под белым светом ламп, лицо Мурата видится немного под другим углом. У Дениса язык не повернется назвать его красивым, когда есть Кирилл, но что-то необычное все же ощущается в этой темной, смуглой внешности.

От Мурата пахнет потом и жасмином.

– Картой? – Денис снова встречается с ним взглядом и зависает.

– Нет, наличными. – Черт, черт, черт, прекрати так глазеть.

– Три шестьсот. – Мурат смотрит с вызовом, будто что-то для себя уже решил.

Пока он роется в кассе, отсчитывая сдачу, Денис буднично спрашивает:

– Ты здесь постоянно работаешь?

– Два раза в неделю. – Снова глаза в глаза и улыбочка такая, будто до дома Денису живым не дойти.

Не стоило спрашивать о работе. Оригинал, ничего не скажешь. И этот придурок тоже хорош. Мог бы и поддержать разговор, язык бы не отсох! И мог бы не смотреть так, будто Денис собственной персоной щенков за этим самым магазином топит.

– Капец ты на изюм похож. – Кирилл, что все это время стоял снаружи, хохочет. Его голубые глаза сощурены в подзрении, а поза напряженная. Он устал ждать на жаре.

Они отправляются вдоль живой изгороди под звуки кузнечиков.

– Котов совсем бревно какое-то, – ворчит Денис по пути.

– А ты хочешь с ним подружиться?

– Как бы... ну да, почему нет?

Не то чтобы Мурат интересовал его в плане «мир-друж-

ба-жвачка» – Денис, в конце концов, далеко не мальчик, понимает, что дружбы с тем, кому это нафиг не сдалось, не получится, но... поболтать как-нибудь было бы неплохо. Мурат похож на человека, которому есть что рассказать. А захочет ли – это другой вопрос.

– Ммм, – Кирилл задумчиво улыбается. – Я заметил, как ты на него пялил.

– Как?

– Как девчонка – вот как.

Кузнечики отчего-то стрекочут еще громче. Лицо Дениса покрывается испариной.

– Пф, бред несешь. Ты вот с ним вообще не поздоровался.

– Мурат, – неловкая пауза, – не тот человек, с кем можно спокойно общаться. Я не здороваюсь с ним. С ним вообще мало кто здоровается.

Вот те раз.

– Почему? На дурачка вроде не похож.

– И на гомосека тоже. Понимаешь? – Ответ Кирилла стрелой прошивает Дениса насквозь. Значит, об этом тогда отказывалась говорить Катя? – Поэтому, Дэн, будь осторожен. Мало ли.

Мимо проезжает микроавтобус, и тело обдает новой волной из жара и пыли. Денис щурится и кусает щеку изнутри.

«Мало ли...»

– Пруфы есть?

– Весь поселок в курсе. Он у нас почти знаменитость.

– Что, каждого второго домогается или как? – Денис нервно хихикает.

Кирилл отрицательно качает головой.

– Не. Говорят, Котов еще в школе втюрился в одного... футболиста. В общем, плохо все кончилось.

– Избили, да?

– И это тоже. – Кирилл заметно нервничает. – Тогда вся школа на ушах стояла. Шум был – кошмар.

– Ну еще бы. Живой настоящий гей – где еще такого увидишь? – Денис хочет, чтобы это прозвучало не так издевательски, но... почему звучит именно так?

Потому что Мурата вдруг становится жалко.

– Даже не в этом дело. – Кирилл внезапно суровеет, и Денис четко представляет его в роли старосты, толкающего речь в актовом зале. – Он только с виду такой тихоня. Котов ужасный человек. Поверь, таких лицемеров еще поискать надо. Не связывайся с ним, Дэн, не порти себе жизнь.

«Интересно девки пляшут».

– Окей-окей. – Денис поднял бы руки в примирительном жесте, но те заняты пакетами. – А что стало с тем футболистом? Ну, в которого...

– А. Славка-то...

В этот момент Денис немного стопорится. Человек, о котором он слышан, – любимчик Катюшки, местный заводила, мечта всех школьников, – кажется кем угодно, но не геем.

– ...Он избежал участи Мурата. Он же не виноват в том,

что какой-то ненормальный втрескался в него. — Кирилл заботливо хлопает Дениса по плечу. — Мне, наверное, не стоило об этом говорить. Еще подумаешь, что я сплетник.

— Я не собираюсь вникать в эту кашу, так что все хорошо.

Кирилл молча кивает и виновато поджигает губы. Он, очевидно, жалеет, что поднял эту тему. В конце концов, Денису не обязательно знать такие подробности о Мурате.

— Кстати, обменяемся номерами? — Кирилл спешит реабилитироваться.

Денис соглашается и просит самостоятельно достать смартфон из кармана и забить новый контакт.

У перекрестка они останавливаются. Здесь нужно разойтись. Денис благодарит нового друга за занимательный треп, затем Кирилл, пообещав встретиться как-нибудь еще, пружинистым шагом заворачивает за поворот.

Разговор с ним отпечатывается внутри зудящим беспокойством и назойливым любопытством. Казалось бы, плевать, какие сплетни ходят в этом богом забытом месте. Однако личность Мурата привлекает своей скандальностью. Денис видит, Мурат достаточно надменен для изгоя. Кир, явно затаивший на него какую-то обиду, лишь подогрел разгоревшийся интерес... да и, откровенно говоря, староста не особо похож на прожженного гомофоба.

И Слава Банин... все ли из сказанного Кириллом правда? По словам Кати, тот коротает дни на заправке вместе с Муратом. Значит ли это, что они друзья? Или они работают

вместе случайно?

Стоит, наверное, спросить Катю подробнее.

Ночь

Еще в магазине Денис слышал о штормовом предупреждении. Теперь все новостные каналы трещат о предстоящем ливне. Денис с облегчением вздыхает. Природа избавит его от необходимости поливать бесконечные грядки. В конце концов, такая жара должна рано или поздно окупиться.

– Ба? – Он шинкует ядреный лук, давясь слезами.

Рядом булькает ароматный борщ. Бабушка караулит у сковороды, чтобы говядина не подгорела. Она молча ждет, когда Денис озвучит свой вопрос.

– У вас с дедушкой когда-нибудь росла яблоня? – Он хотел спросить об этом еще в тот вечер, когда впервые встретился с Муратом, но как-то к слову не пришлось.

– Посмотри в окно. Видишь деревянный стол?

– Под навесом? Да, вижу. – Там, среди кучи горшков для рассады, громоздится ненавистная бочка с навозом.

– Стол на пеньках стоит. Яблонь давно уж нет. Лук.

Денис немедленно спускает измельченную луковицу в сковороду.

– А у тебя яблоки хоть раз воровали? – Например, Мурат. Нетрудно представить его мелким сорванцом с рассеченными коленками и беззубым красным ртом.

Бабуля зло бурчит себе под нос:

– Воровали. Каждый день воровали. Управы на них не бы-

ло. Ветки ломали, пакостники безмозглые. Обдирали деревья как липку. Только один раз с дедом на сидр насобирали, и то половину докупать пришлось. Сопливые негодники

– Дедушка их поэтому срубил?

– Твой дед срубил стол.

– В смысле? – Денис хмурит лоб.

Бабушка смотрит на него как на дурачка. Из ванной раздается писк стиральной машины.

– В коромысле. За плитой следи, пойду вещи выну.

Масло в сковороде шумно щелкает и попадает на ладонь жгучей дробью.

Вечером, когда разыгрывается ветер и набухают тучи, с работы возвращается Катюшка. Денис расспрашивает ее о Мурате и Славе. О взаимоотношениях этих двоих она знает мало. Однако Толя Смирнов, тот самый собрат Славы по музыке, приходится Мурату другом детства. По словам Кати, семья Котовых и семья Смирновых до сих пор тесно общаются. Возможно, с Муратом также близок и Слава. Вопрос лишь в том, верны ли слухи о Мурате, так любезно представленные Киром?

Денис принюхивается к своей чистой пижаме и улавливает запах жасмина. Так ненавязчиво и легко пах Мурат, когда рассчитывал Дениса у кассы. Хорошо запомнилось, какая у Мурата была влажная от духоты шея. Если бы тогда Денис наклонился к нему поближе, то утонул бы в этом запахе. Если бы тогда он наклонился поближе, то совершенно точно

получил бы по лицу.

Смартфон неожиданно пиликает.

Кир:

Дэн, закрой на ночь окна, будет сильная буря

Денис по-доброму усмехается и отправляет в ответ смайлик, но сообщение обрабатывается долго. Все же Кирилл занятный человек. Наверное, в друзьях у него недостатка нет, как и в девчонках. У такого красавчика просто обязана быть девчонка. Денис представляет рядом с ним миниатюрную куколку с такими же голубыми глазами и улыбчивым ртом. На свиданиях они едят мороженное с розовой крошкой, а на праздники дарят друг другу парные украшения. Прелесть.

Денис зарывается в одеяло с головой и быстро засыпает. Однако не проходит и часа, как он вскакивает от грома. Прикроватная лампа опасно мигает, и Денис спешит ее выключить. За окном – настоящий хаос. Угольно-черное небо трещит и гроыхает в паутине белых и желтых молний. Ветер гнет деревья со страшной силой, вырывает клочья живой изгороди. Косой ливень, похожий на стеклянные бусы, барабанит по крыше.

Сквозь серую стену дождя, шлепая по лужам, бежит какой-то безумец. Денис узнает в нем Мурата. О погоде говорили с самого утра, его могли отпустить с работы пораньше. Да и что ему самому мешало переждать бурю под крышей магазина? Сначала неуклюжие затяжки на берегу реки, теперь вот экстремальный забег под вспышками молний. Что

за маниакальная потребность в самоуничтожении?

Денис возвращается обратно под одеяло. Комната вспыхивает частыми всполохами с улицы. Дождь растекается по окнам ручьями. Где-то там вверху набухшая чернота шумно злится и рокошет. Денис постепенно погружается в сон под мерное тиканье настенных часов.

Рядом словно что-то звонко разбивается, проливается на пол. Он мгновенно поднимается на локтях, осоловело оглядываясь вокруг. Пол сухой, никакого разбитого стекла, и окно невредимо.

Плеск воды, льющейся с желоба, с каждой секундой становится все отчетливей, перекрывая даже рокот грома. Невидимая вода стекает со стен на пол, булькая и пузырясь. Грудь сдавливает бетонной плитой. Денис, обняв себя за колени, глубоко дышит, стараясь успокоиться. Перед глазами пляшут желтые огоньки, а во рту чувствуется неприятный привкус ромашкового мыла.

«Так, без паники, окей?»

Это всего-то звук. Стоит убрать источник шума, и жизнь прекрасна. Но, зарывшись в одеяло, Денис мало того, что все слышит, он еще усиленно потеет. Вода между тем журчит уже у самой кровати. Он раскачивается из стороны в сторону, точно неваляшка. Внутри его живота все коченеет, намертво прирастает к стенкам. Мышцы дубеют, натягиваются.

Психолог Светлана Николаевна говорила дышать и ста-

раться абстрагироваться. Она запретила прием таблеток на лето. Но блистер лежит совсем рядом, на тумбочке. Протяни руку, и ночь пройдет без глюков.

Нет, нельзя. Ведь там, у реки, он уже съел одну фактически без причины, просто ради подстраховки. Это всего лишь ломка. Все пройдет, только подождать, потерпеть, и можно жить дальше.

До следующей панической атаки.

Родители отправили Дениса сюда по прямой наводке Светланы Николаевны. Помощь бабушке – удобно подвернувшийся случай. Они лечили его, он же упирался ногами и руками,пил успокоительные и на месяцы забывал, что такое ужас.

Сейчас Денис захлебывается слезами и хнычет от безнадёги. Бомба замедленного действия в его голове рванула совсем не вовремя. Когда под одеялом становится жарко, как в бане, он осторожно высовывается наружу. На секунду ему кажется, что комната превращается в грязный канал, а стены разбухают от влаги. Он хочет закричать, но зажимает рот рукой.

Тем временем за окном ливень сменяется слабым дождеком. Больше не сверкает, не гроыхает. Денис до дрожи в ногах рад, что плеск наконец стих в его ушах. В слепом желании врати в матрас он весь сжимается в комочек, обняв подушку между ног. От беспокойного сна простыни сбиваются в мятый ком. Денис видит ухоженные женские руки, которые

давят на его плечи, и слышит голос на грани истерики. Он задыхается во сне, а неизвестная женщина плачет и целует его в висок, прижимая к груди гладкими белыми руками.

И чертово мыло с запахом ромашки во рту, ушах, носу.

* * *

Следующим утром он встает с постели точно зомби. Во время умывания его рвет на ободок унитаза. Башню начинает срывать даже от звуков душа, но таблетки в очередной раз все решают. До чего омерзительная зависимость.

– Мама. – Денис редко называет ее так, довольствуясь сокращенным «ма». Скулеж в трубку не входил в его планы. Он бы согласился чувствовать себя слегка хворым, но уж точно не жалким.

– Милый. – Она все понимает с полуслова. Голос в трубке спокойный, но Денис знает, что мать тщательно выбирает интонацию. Не хочет навредить ему лишним беспокойством.

– Мама, я хочу уехать домой. – Желательно прямо сейчас, и класть он хотел на завтрак, сменную одежду и влажные волосы.

– Сынок, мы ведь уже говорили об этом. – Тогда Денис, как истинно городской житель, жаловался ей, что поселок его угробит.

– На утренний рейс я успеваю, только деньги отправь на билет. – Не просьба, отчаянная мольба. Он даже готов сми-

риться с навязчивой инициативностью матери в обустройстве его жизни, лишь бы только свалить отсюда.

– Ты обещал, что потерпишь.

– Терпеть уже нет сил. – Он внезапно повышает тон. – Я очень. Сильно. Хочу. Домой.

– Будь добр, успокойся. Вдох-выдох, хорошо? Не хватало еще, чтобы бабушка услышала.

О да, бабуля явно не обрадуется тому факту, что ее внук припадочный.

– Я хочу... я не... блин, я не могу уже. – Он начинает дышать.

– Все хорошо, сынок. – Мама старается звучать убедительно, но ее объятий катастрофически не хватает.

– Нет, все плохо. Мне плохо. Я не спал всю ночь. Мне опять снилось... всякое.

– Ты ведь лечишься, а это всегда неприятно. Просто погоди немного...

– Сколько? – Неужели все лето?

– Это зависит от тебя, милый.

Денис вытирает мокрые глаза, раздумывая над тем, в какую щель засунуть оставшиеся таблетки, чтобы потом напроць про них забыть. Смыть в унитаз, и дело с концом, но это слишком радикально, он боится.

– Ты ведь ничего не принимаешь? – Вопрос прямой как рельсы.

– Н-нет. – И ложь как панацея.

– Я верю тебе. И папа верит. Ты ведь у меня сильный малыш, обязательно выкарабкаешься. – Мама улыбается в трубку, он чувствуетеся. Денису становится еще гаже. – Мы ждем тебя. И Юрок, конечно, тоже.

– Спасибо, ма. – С трудом выдавив из себя ответ, Денис вешает трубку.

На что он вообще надеялся? Идеальный мир матери не приемлет рядом бесхребетного нытика, живущего от приступа до приступа. Денис обязан держаться, ведь родители вложили в его лечение достаточно сил и средств. Чувство беспомощности – его базовая установка, крепкая основа для рефлексий. Виновник всех проблем только он один. Денису страшно спасать себя, поэтому его спасают другие.

Он устал, но день начался, и Катюшка с бабушкой уже ждут его к завтраку. Сидеть за одним столом теперь просто невыносимо. Бабушка будет рада избавиться от него, когда все узнает. А Катя... она пожалеет его, а от этого еще тошнее.

– Ты почему не ешь? – Денис поднимает глаза на Катю: та глядит выжидающе. – Невкусно?

Он без особого желания ковыряется ложкой в молочном супе и ничего не отвечает. Бабушка наливает ему кваса в кружку. Смешную кружку с кошачьей мордочкой. Денис с больным остервенением тарашится в тарелку. Вся эта семейная участливость начинает раздражать.

– У тебя запор, что ли? – бабушка спрашивает на полном серьезе. – Лицо попроще сделай, а то как у деда нашего, ко-

гда хурмы обьестся.

Катя прыскает со смеху. Денис с силой сжимает челюсти.

– Нехорошо мне. Продуло, наверное.

Бабушка в ответ ворчит что-то про окно в его комнате, которое в дождь нужно обязательно закрывать. Катя с долей беспокойства наблюдает за его вялыми попытками позавтракать.

– Долой хандру, Дениска, – говорит она, пододвинув к нему вазочку с вареньем. – Наедайся, сегодня много дел. У тебя же нет температуры?

– Нету.

Как и желания что-либо делать сегодня. Есть только апатия и равнодушие ко всему происходящему за столом. Гребаная дыра.

– Это хорошо, – Катя кивает. – Будешь помогать мне на кухне.

Позже, когда бабушка уходит к себе, она достает из холодильника свежую смородину. На столе уже лежит все для приготовления слоеного теста.

– Сегодня в эфире кулинарное шоу? – Денис съедает пару ягодок. Бабуля на днях заставила его собрать целый бидон под прицельными атаками слепней.

– Надо выварить, пока не испортилось. Любишь булочки с джемом? А кисель? Достань, будь добр, кастрюлю и налей воды.

Денис послушно включает плиту, вода в кастрюльке тихо

шипит. Катя тем временем, убрав рыжие косы под платок, начинает наводить тесто.

– Это для Елены Ануровой, – продолжает, пыхтя. – Живет на соседней улице. Сегодня ночью у нее случился приступ астмы. Отнесешь ей угощение и справишься о здоровье. Передашь привет от меня, заодно и познакомишься.

– Обязательно идти мне? Может, сходишь одна? Бабушка сказала, что я смахиваю на страдающего деда. Не слишком приятное зрелище для больной женщины, не думаешь?

– Дениска, ты ведь из дома совсем редко выходишь. Так и лето все пролетит – не заметишь.

– Если мое затворничество хоть как-то сократит мне срок здесь, я с радостью, блин, замуруюсь в погреб.

Когда Катя замирает и поднимает на него обиженный взгляд, Денис понимает, что ляпнул лишнего.

– То есть... я, в общем, ничего такого не имел в виду, – мямлит он, попутно спуская часть ягод в кипящую воду. Стыд не позволяет ему посмотреть на Катю в ответ.

– Тебе что, так плохо с нами? – Та поворачивается к нему спиной. Раздается сначала мягкий «шмяк», затем царапающий звук металла о стекло. Она быстро взбивает яйца вилкой. – Это понятно, что тебе непривычно. Столько лет в городе прожить, и тут вдруг на все каникулы в Ручейный.

Денис хочет исправить, мол, это не первое его появление здесь, он уже гостил у бабушки в детстве, но решает не усугублять положение.

– В любом случае, – Катя выдерживает напряженную паузу, – прости, что требуем от тебя слишком многого. Ты очень чувствительный мальчик, я это вижу. Бабушка непростой человек, привыкнуть к ней сложно, а я... наверное, вечно не в свое дело лезу.

Денис отвечает мгновенно:

– Неправда. Не обесценивай свою доброту. Это мне язык за зубами держать надо. Ты классная и вообще мне как старшая сестра. С тобой я поговорить могу, когда я в этом по-настоящему нуждаюсь.

Она поворачивается к нему лицом. Веснушчатым и симпатичным, но искаженным сожалением лицом. Дениса одолевает лютая ненависть к себе. Его раздражает это тупое желание рассказать Кате все как есть: и про фобию, и про таблетки. Но незачем водружать ношу ненужной ответственности на плечи другого человека.

Катя и Денис одновременно вздрагивают, когда плита резко принимается шипеть. Булькающий кисель расплескивается через края кастрюли. Катя быстро выключает конфорку и возвращается к тесту. Денис старается быть участливым, несмотря на общую ситуацию. Никто больше не заикается об этом неприятном эпизоде. Катя ведет себя ненавязчиво, интерес Дениса к готовке (пусть и натянутый) ее радует.

– Елена Ануровна – это твоя знакомая? – Должен же Денис знать, ради кого так старается. Пожалуй, даже в детском саду он не лепил из теста с подобным усердием.

– Мы когда-то работали вместе. Хорошая женщина.

– Катюша. – Денис улыбается. – Вот о ком ни спроси, все у тебя хорошие. Даже печально известный в ваших местах Мурат у тебя особенный мальчик.

Она отвечает с укором:

– Кто-то уже насплетничал, да? Только в гостях не вздумай ляпнуть.

Денис мгновенно тушуетс:

– Да я краем уха слышал. И не дурак я. Все понимаю.

– Ничего ты не понимаешь, глупый. При Елене лишнего не болтай, поздоровайся, пожелай скорого выздоровления и уходи. Договорились?

– Так точно. – Денис подмигивает в ответ, но выходит по-смешному нелепо. Катя тихонько смеется и щиплет его за ребра. – Скажи, а эта Елена... она вообще кто?

– Елена Ануровна Котова когда-то преподавала в садике танцы. Она мама Мурата.

Вот же черт.

Мила

Он глубоко дышит влажным после дождя воздухом, двигаясь по мокрому асфальту на соседнюю улицу. Небо в серых рваных облаках, будто в синяках. Прохладно, но к вечеру опять обещают жару.

Денис чувствует под ребрами нарастающий страх – а вдруг Мурат не на работе? Ведь придется снова смотреть в эти острые, прошивающие насквозь глаза. Совершенно точно, что разговор с ним приведет к тому, что самооценка Дениса быстро просядет под тяжестью язвительности. Идея подружиться с Муратом уже не кажется такой заманчивой, как прежде. После этой штормовой ночи Котов перестал быть для Дениса таинственным недотрогой. Тот имеет право быть замкнутым и грубоватым. Он бежал сквозь ветер и косой дождь, не потому что ему моча в голову ударила. Этому была весьма конкретная причина, и Денис, будучи вежливым и послушным малым, сейчас идет в гости к Котовым по этой самой причине.

Он понятия не имеет, о чем будет говорить с матерью Мурата, когда вручит ей гостинцы.

Дальше по дороге – уютный парк с парой дюжин пышных деревьев и кустарников. Где-то там сквозь мокрые листья и кривые сучья поблескивает узорчатая лавочка и детские качели громко скрипят под весом шумных детей. Играют в ос-

новном мальчишки. Немногочисленные девочки кучкуются в стороне, забавляясь игрой в резиночку.

Денис невольно улыбается. Он помнит из своего детства немного, а воспоминания о Ручейном и вовсе ограничиваются парочкой эпизодов. Помнит, как стоял перед дядей-фотографом в пухлой синтепоновой куртке и ревел. Отец с матерью тогда умилялись, а он на камеру светил своими соплями и беззубым ртом. А о случае на треклятой реке хотелось бы забыть. Он с семи лет хранит внутри те мерзкие ощущения, которые впоследствии переросли в полноценную фобию.

Где-то впереди у деревьев раздается дружный мальчишеский гогот. Денис быстро идет сквозь парк. Смех становится все более визгливым, можно расслышать в этой мешанине возбужденных голосов какие-то отрывистые фразы.

– Чего жмешься, чукча?

Дениса будто по лицу бьют. Этот режущий голос – по-детски высокий и по-взрослому издевательский.

Группа из нескольких мальчишек толпится у мокрой лавочки: кто-то по-деловому упирает руки в бока, кто-то мерзко хихикает в ладонь, кто-то смотрит в предвкушении и нетерпеливо ерзает на месте. Желание подгадить соединяет их детские лица в одну тошнотворную образину.

– Чего жмешься? – повторяет мальчишка, смотря перед собой.

– Язык проглотила что ли? – вторит другой.

– Да она же с рождения немая!

– От потаскух нормальные и не рождаются.

И снова дружный гогот.

– Эй, Милка!

– Му-у-у, му-у-у!

Они закрывают все происходящее своими недоразвитыми спинами, но среди их ног, обутых в испачканные кроссовки, белеют другие – в неприметных туфельках.

– А правда, что твой чурка-брат извращенец?

– Да правда, правда!

– Скажи что-нибудь, Милка!

– Милка отстала! – Крайний мальчишка вдруг тянет свои длинные худые руки, затем начинается непонятная возня вперемешку со смехом и гримасами.

От девочки – ни звука.

Денис со злости плюет в траву.

– Эй, шпанье, разбежались! – рявкает он на весь парк, направляясь тараном в сторону малолеток.

Испуганные лица оборачиваются в его сторону. Гадкий мальчишка сжимает волосы девочки в кулаке. Однако когда он понимает, что скоро отхватит звездюлей, отлетает от лавочки точно ошпаренный.

– И чтобы рядом с ней я вас больше не видел, придурки прыщавые!

В ответ раздается издевательский хохот. Дениса поражают эти детская вседозволенность и мальчишеская жажда самоутверждения.

Денис еще некоторое время вглядывается в ненавистные силуэты вдалеке, прежде чем обратить внимание на девочку. Та молча слезает с лавочки, поправив отросшую челку. Хрупкая, с худыми ручками, а ножки совсем как спички. Блестящие волосы заплетены в две жидкие косички. Лицо сердцевидное с равнодушными блестящими глазами. На вид ей не больше семи.

– Нигде не поранилась? – Денис плавно садится рядом, снимая свою мастерку. Девочка испуганно глядит на него, отшатываясь назад и сжимая кулачки.

– Все хорошо, я тебя не обижу, – он примирительно поднимает ладони вверх. Денис сам нехило так трусит. Его опыт в общении с детьми ограничивается взаимными тумаками с малолетним сыном маминой подруги. – Не переживай, те идиоты тебя больше не тронут. – Он улыбается располагающе, надеясь не спугнуть. Вдруг этой девочке нужна помощь? – Давай я накину на тебя кофту, и ты скажешь, где живешь?

Девочка с подозрением прищуривает глаза, морщит нос. Неуверенность читается во всем ее виде.

– Ну что? Мое имя Денис. А твое? – Он протягивает ей руку, оттопырив большой палец.

Та колеблется пару мгновений, но потом пожимает его ладонь своими холодными пальцами. Позволяет застегнуть на себе теплую мастерку, затем без слов ведет его из парка.

Денис вежливо интересуется ее возрастом и фамилией – и

получает в ответ полнейший игнор. Он спрашивает, куда она его ведет и дома ли родители, но она снова молчит. Неужели действительно немая?

Когда они замедляют шаг у дома, заросшего зеленью, Денис понимает, о каком брате трепались мальчишки. На синем почтовом ящике значится: «Котовы». Катя упоминала, что у Мурата есть сестра, но в такое совпадение трудно поверить.

Петли громко скрипят. Денис с неприкрытым интересом разглядывает аккуратные клумбы с высоченными стеблями дельфиниума. Цветы растут только вдоль забора, дальше ухоженность не наблюдается: газончик в сорных травах, фасад дома весь в лозах и пышных листьях, сквозь которые виднеются иглистые огурчики.

Девочка придерживает дверь в ожидании, когда Денис, наконец, зайдет внутрь. Он переступает порог с тусклым «Прошу прощения».

Мурат вновь встречает его прохладно, но в этот раз с примесью легкой ошарашенности.

– Привет. – Денис криво улыбается, остро ощущая, что Катины гостинцы здесь никому не нужны, как и он сам.

– Привет. – Мурат отвечает бесцветно и всем своим видом дает понять, что он очень хочет узнать причину такого внезапного визита.

Когда его сестренка проходит мимо, Мурат обеспокоено ловит ее за руки и присаживается рядом с ней, повернувшись

к Денису спиной.

– Эй, ты зачем убежала? – Он спрашивает тихо, без тебя раздражения, но заметно вымученно. Девочка пожимает плечами, не поднимая взгляда. – Мы же договорились с тобой. Почему ты вредничаешь? А кофта чья?

– Моя, – Денис храбро подает голос, хотя планировал вести себя тише воды ниже травы. – Твоя сестра замерзала... я решил, что ей не помешает моя одежда.

– Вот как? Ты встретил ее по пути?

– В парке. Она сидела на мокрой лавочке. – Про неприятную часть этой встречи лучше умолчать. Мурат сам задает вопросы, нельзя все испортить чрезмерной откровенностью.

– Ты сказала спасибо, Мила? – спрашивает тот.

Происходящее выглядит так... по-особенному. Денис не может поверить, что слышит настоящий голос Мурата, а не сухие вынужденные реплики.

– Неравнодушный человек привел тебя домой, несмотря на свои дела. Кивни ему, моя хорошая, если боишься говорить.

Мила делает пару шагов вперед, быстро дергает Дениса за рукав, затем убегает в коридор, забыв вернув кофту.

– Вообще-то, я шел по делам именно сюда. – Денис невольно улыбается, провожая взглядом девочку. – Так что все нормально. Правда.

Мила пропадает где-то в глубине дома, вместе с ней исчезает тепло в глазах Мурата. Тот снова рассматривает Дени-

са с долей пренебрежения в плотно сжатых губах. Воздушный замок из абсурдных ожиданий в голове Дениса разматало смерчем действительности. Он спешит, наконец, объяснить свое нежеланное присутствие:

– Я пришел поздороваться с Еленой Ануровной. Принес тут... короче, вот. – Контейнер с булочками протянут Мурату. – Сколько можно таращиться? Это к чаю, а не мышьяк.

Мурат бросает с неприятной усмешкой:

– Проходи уже.

Елена Ануровна сидит на мягкой ковanej кровати, опершись спиной о большую подушку, и что-то читает. В ее комнате пахнет лекарствами, которые кучей громоздятся на тумбе рядом. Свидетельство беспокойной ночи.

Мила лежит в ногах матери и гладит двух рыжих котов, пригrevшихся на краю пледа.

– Здравствуйте. – Денис неловко топчется на месте. – Меня зовут Царев Денис, я внук Риммы Аркадьевны и...

Женщина перед ним смотрит с вежливой заинтересованностью, слегка приоткрыв рот. Мурат унаследовал от своей матери такой же овал лица и форму глаз.

– ...И я пришел пожелать вам скорейшего выздоровления. Катя не смогла проведать вас сама, поэтому отправила меня.

– О, вот оно что. – У Елены Ануровны красивый низкий голос. Она слегка подается вперед, отложив книгу. – Приятно слышать, что Катюша не забыла меня. Расскажешь, как у нее дела? Я уже давно не видела ее.

Денис отвечает, что Катя либо целыми днями на работе, либо помогает бабушке по дому, затем добавляет, что он будет очень рад, если свежие булочки придутся по вкусу.

– Хорошо, я сегодня же попробую. – Елена Ануровна по-доброму улыбается. Зубы у нее ровные, а на щеках играют ямочки. Денис готов поспорить, что у Мурата такая же очаровательная улыбка, когда он не куксится. – Мне очень приятно, что ты и Катюша так внимательны ко мне. Спасибо, что пришел в гости.

Денис, покраснев ушами, еще раз желает скорейшего выздоровления и хочет уже уйти, как:

– Оставайся на чай.

– Чай? – Он хлопает глазами как дурак.

Женщина уверенно кивает:

– Если ты никуда не торопишься. Ты ведь приезжий? Думаю, Мурат будет не против, если ты расскажешь ему о жизни в большом городе...

«Ваш сын будет не против вышвырнуть меня пинком под зад».

– Миланочка тоже любит разные истории. – Елена Ануровна прижимает дочь к себе поближе. – Мила, хочешь послушать о большом городе?

На кухне пахнет жасмином и хвоей, а по стенам скачут абрикосовые пучки солнца. Разговор о Новосибирске как-то не идет. Потому что Денис не уверен, хотят ли его слушать, а Мурат не спешит идти на контакт. Он заваривает чай, а

Денис смотрит на то, как ткань футболки перекачивается на чужой спине. Плечи у Мурата плавные и в меру широкие, да и сам он ни низок, ни высок. Хорошо сложен, и через шорты виднеются сильные бедра. Невольно в голову Дениса закрадывается неуверенность в собственной внешности.

– Слушай, ты качаешься? – Самое то для начала беседы.

– А ты видел здесь хоть один зал?

– Пока нет, но зато я теперь знаю, где ты работаешь и где живешь.

– О, это, безусловно, полезные маршруты. – Мурат недовольно цокает языком. – Звучит стремно, ты в курсе?

Денис переводит взгляд на скучающую Милану. Девочка смотрит на пустующее место в середине стола и громко скрипит стулом.

– Мила, у тебя такие прикольные косички.

– Она в ответ на игривый голос Дениса смущенно улыбается.

– Тебе очень идет. Их тебе мама заплетает?

Милана показывает пальчиком на Мурата.

– У твоего брата умелые руки, да? – Денис замечает, как спина Мурата напрягается. – Ва-а-а, это резинки такие? Какая прелесть!

Он рассматривает фиолетовые бантики с нитками блестящих бусин, восхищаясь, пожалуй, слишком наиграно. Но Милану это впечатляет: она пододвигает свой стул поближе, чтобы Денис мог потрогать ее украшения. Обычная дешевая

фурнитура из синтетической ленточки и гладкой пластмассы. Вполне типичные штучки для девочек ее возраста, и Милане, похоже, они действительно нравятся.

– Это тебе подарили?

Уверенный кивок.

– Мама?

Девочка морщит нос в знак отрицания.

– Может, папа?

Снова качает головой.

– Брат?

Милана улыбается, оголив молочные зубы. На ее круглых щеках тут же появляются мамины ямочки.

Мурат стоит вполоборота к ним, слегка зависнув взглядом на одной точке.

– Ты долго там? – Денис торопит его. – Твоя сестренка скоро плесенью покроется от ожидания.

Милана заливисто хохочет. Пусть она и не говорит при Денисе, зато ее смех искренний и по-детски очаровательный. Это что-то да значит.

– Хватит шуметь. Мама отдыхает. – Мурат ставит на стол широкое блюдо с бутербродами и три кружки с чаем. С ромашковым.

Денис смотрит на зеленоватую жидкость в своей кружке, стараясь засунуть отвращение поглубже внутрь. Мурат и без того говорит с ним максимально вынуждено, словно под дулом автомата, не хочется лишиться и этих скудных крох.

– Кстати. Звать тебя как?

Денис глядит на него во все глаза.

– В смысле?

Мурат, конечно, не обязан помнить всех в Ручейном по именам, но вот сейчас обидно было.

– У меня плохая память на имена. Но хорошая на лица. Мы уже пересекались с тобой.

«Не единожды, вообще-то».

– Царев. Реально забыл?

– Ах да. Римма Аркадьевна...

– Точно. У которой ты тырил яблоки, когда еще на горшок ходил. – Денис незаметно наблюдает, как Мурат облизывает уголки своих губ, когда ест.

– А вот это пугающе, – отвечает он. – Ты точно не сталкер?

– Что, похож?

Мурат красноречиво приподнимает бровь. Денис хохочет:

– Могу стать им. Хочешь?

– Могу проводить за дверь. Хочешь? – Мурат держит в руках чайную ложку как мясной тесак.

Денис пристыженно опускает глаза на кушающую Милану. Он весь скукоживается, и прежняя храбрость лопается, как мыльный пузырь. Стыд диктует поскорее выйти из-за стола, а после – из дома, но Денис упрямо сидит.

– Ты приехал издалека?

Денис отвечает, откуда.

– Прилично. Выпускник?

– Уже закончил первый курс.

Мурат пьет чай как-то отрешенно, словно после упоминания ВУЗа его насильно выдавливаемая заинтересованность истаяла вконец. Денис продолжает в надежде, что тот расскажет, где учится сам:

– Учусь на направлении международных отношений. Мать говорит, престижно, а по мне, так хрень полная.

Ответ Мурата застаёт врасплох:

– Каким ты видишь свое будущее?

– Не знаю. – Денис пожимает плечами. – Родители видят меня добросовестным госслужащим. Наверное, им и стану.

– Занятно. Доверяешь выбор другим, но не себе?

«Мне его усиленно навязывают».

– Мне всего-то восемнадцать. У меня есть право на ошибку. – Этот разговор отдает горечью. Денису кажется, что Мурат задал этот вопрос, только чтобы высмеять его. – А что насчет тебя?

Тот залпом допивает чай и встает из-за стола, чтобы вымыть свою кружку.

– Мила, отдай, пожалуйста, гостю его кофту. – Голос холодный, сквозит чем-то неприятным, колючим.

Денис улавливает намек, поднимается со стула, полный растерянности и непонимания.

Милана послушно снимает с себя мастерку. В прихожей, наблюдая за тем, как Денис нервно завязывает шнурки, она воровато обнимает его в знак прощания, чтобы после без

слов умчаться обратно.

* * *

Денис не сразу замечает, что завернул не туда. Перед ним сетчатое ограждение стадиона. По ту сторону слышится беготня, кто-то налегает на свисток, кто-то громко бранится и высоко смеется. В голове Дениса – кисель из мыслей, в его ногах – спонтанный маршрут. Без разницы, куда идти: по словам Кира, здесь невозможно потеряться.

«Я привел его сестру домой, а он даже спасибо не сказал. Говнюк».

Мимо пробегает какой-то пацан и останавливается у ряда автоматов с напитками. Откуда-то из недр стадиона раздается звонкое:

– Санек, и мне захвати!

У названного Санька на подошвах пласты грязи, а гольфы в серых пятнах грунта. Его выбритые по бокам виски мокрые от пота, а футболка на спине пестрит странной надписью: «Тіло – не товар. Жінка – не бренд». Когда он поворачивается боком, Денис видит небольшие выпуклости в районе груди. Пацан, который на деле оказывается девчонкой, забирает две баночки колы и возвращается на стадион. Денис некоторое время смотрит ей вслед, прежде чем повернуть на трибуны.

С дождем

На работе не идут навстречу. Мурат и так пропустил много смен и уже не раз просил напарника подменить его. Рабочая смена заканчивается у всех, кроме Мурата. Даже охранник на складе при первом же раскате грома спешно ретируется. Мол, ни один дурак в такую погоду воровать не полезет. Начальство простит этому старику самовольный уход: ему семью кормить надо, у него внучка подрастает, можно и пожалеть. А Мурат сам подписался вкалывать, жалость на него не распространяется. Хоть ключ доверили, на том спасибо.

Он устало вздыхает и проходится шваброй по кафельному полу. Уборка подходит к концу, когда в кармане вибрирует телефон. За стеклянной дверью в тот же миг раздается страшный треск, из-за чего лампы над головой на мгновение гаснут.

Толя по телефону просит не паниковать, но его голос слышит от нервов.

– Короче, скорая не приедет. Там наводнение почти. Будь на работе, никуда не выходи. Я сам справлюсь. Жди.

Мурат видит перед глазами красные пятна, чувствует, как тяжелеет грудь, будто внутрь наложили камней. Какой, к черту, «жди»? Плохая погода не оправдание: мать нуждается в нем так же остро, как в своих препаратах. Мурат не имеет права торчать в магазине, пока она мучается от приступа.

Толя может сколько угодно говорить, что все под контролем, но это неправда.

На памяти Мурата этот приступ уже четвертый. Уже четвертый раз он готовится к худшему. Четвертый раз его лучший друг подрывается с места и подставляет плечо. Мурат всегда настраивается на хорошее: убеждает себя, что проскочит, отпустит, как и в прошлый раз; запрещает себе думать, что эта ночь может стать для матери последней.

Серый ливень застилает глаза. Тело пронзает шквальным ветром и холодными стрелами дождя. Мурата шатает из стороны в сторону, сдувает на проезжую часть. Он падает в лужу, запнувшись о развязавшиеся шнурки. Предчувствие чего-то до трясучки неизбежного подгоняет его хлесткой плетью.

Он грузно вваливается в дом вместе с раскатами грома и дробью дождя по шиферу, сочась уличной влагой, как плохо выжатая ветошь. Ворсистый коврик у двери моментально темнеет.

Дома пахнет толчеными в ложке таблетками. Это запах болезни и страха.

– Твою налево. – Огромный, как медведь, Толя появляется в прихожей.

Со всклокоченными светлыми вихрами и паникой в далеко посаженных глазах, он наблюдает за тем, как Мурат спешно высвобождается из мокрой обуви.

– Хоть выжимай. Я просил переждать. Почему ты опять

делаешь по-своему?

– Небулайзер достал? – Мурат двигается по коридору к комнате. Толино ворчание сейчас волнует его меньше всего.

– Да, все тут. Думаю, он не понадобится. Одышка уже спадает. Она часто пользуется ингалятором, и я дал ей таблетки.

– Давно?

– Двадцать минут назад.

Мама лежит на сбитой простыне, свернувшись калачиком, и дышит со свистом. Мурат хочет сесть к ней, но Толя хватает его за мокрое плечо.

– Переоденься, – говорит он. – Здесь и так сыро.

Все верно: чрезмерная влажность в доме может спровоцировать новый приступ.

Мурат стучит зубами, пока выжимает вещи. Трясутся руки, вода расплескивается по всей ванне. Даже вытершегося насухо, его все равно лихорадит, как при гриппе. Он уже как-то попадал под похожий ливень: так же шел под свистящим ветром; буря так же швыряла его из стороны в сторону и роняла на колени. Мама тогда бегала по дому в поисках бинтов и спирта, а он жмурился от боли и дышал ртом, боясь неаккуратным вздохом повредить сломанный нос. Из глубин воспоминаний, точно разрушительный левиафан, возникает картина, как тяжелый ботинок бьет Мурата в живот, втаптывает его лицо в землю.

Мурат зло сплевывает в раковину. Если в тот ливень он захлебывался кровью и проклинал ублюдков-одноклассни-

ков, то сейчас он готов захлебнуться слезами из жалости к самому себе. Все самое нехорошее в его жизни приходит с дождем.

До слез тянет курить, но пачка сигарет в джинсах разбухла от воды, и попросить не у кого. Толик, зожник до мозга костей, опять начнет гундеть.

Внезапно за дверью раздается приглушенный грохот.

– Мурат! – Толя надывается из комнаты под сбитый мамин кашель. – Ты где там, потерялся?

Мама стоит на карачках, цепляясь рукой за угол кровати. Пальцы ее ног поджаты от боли, а лицо красное из-за нехватки воздуха. Между бровей видна глубокая морщина, а волосы прилипли черными нитями ко лбу. Хрип легких слишком громкий, значит, таблетки перестали действовать, как и ингалятор, сжатый в мамином напрягшемся кулаке.

– Мур... Мурат. – Она с трудом выговаривает имя. – Ты... как здесь?

– Здесь, я здесь. – Его голос нарочито спокойный. Он хочет верить, что у него найдутся силы успокоить мать, но сам едва-едва держится. – Тш-ш, все хорошо, я с тобой. – Мурат аккуратно заправляет выбившиеся из прически мамины волосы за ухо. – Сейчас еще одну выпьешь, и все пройдет.

Толик уже толчет в ложку очередную таблетку. Мама отрицательно качает головой, дав волю слезам. За столько раз она уже перестала верить в подобные слова. В прошлый раз Мурат на протяжении двух часов как заведенный говорил ей

одно и то же, пока скорая пересекала обвалившуюся переправу. Толик протягивает ложку, и Мурат трясущейся рукой помогает маме запить горький порошок.

– Где... Милана? – спрашивает она, с трудом проглатывая лекарство.

Мурат невольно стопорится. Сестра. Он не видел ее в доме, когда заходил, не видел ни в комнате, ни на кухне, ни в коридоре. Он даже не думал о ней до этого момента. Толя, будто чувствует его стыд, сжимает плечо крепкой ладонью и отвечает за него:

– Она наверху.

– Наверху, – повторяет Мурат, чувствуя облегчение. Толя умеет подгадывать момент.

Мама кивает и опускает голову, закрыв глаза от усталости. Дыхание все никак не выравнивается, одышка не отпускает. Запасов лекарств едва хватит на эту ночь, а до маминой пенсии еще недели полторы минимум. Есть небулайзер с мгновенным эффектом, но у раствора для ингаляции неприятная побочка.

Когда Мурат дает маме стакан с водой, чтобы на сухую не кашлять, ее рука резко дергается, и вода разливается на пол. Мама протяжно стонет, с силой обнимает себя за плечи, сгорбившись.

– Давит. – Слышит Минхо сквозь свист и плачь.

Все определенно идет по накатанной. Он вскакивает с места и включает уже заправленный небулайзер в сеть. Толя

провождает его рассеянным взглядом. Он стоит рядом, готовый помочь в любую минуту, но сдерживать панику у него получается хуже. Мурат даже думать боится о том, что могло произойти, если бы он остался пережидать ливень под крышей магазина.

Мама кривится от боли и плотно сжимает зубы, когда он приближает к ее лицу пластмассовую насадку небулайзера.

– Мам, не упрямясь.

Но та снова качает головой в надежде, что таблетки помогут и сейчас.

– Елена Ануровна, – звучит за спиной голос Толи. – Скоро должны вырубить электричество из-за сильного ветра. Прощу вас, подышите, пока есть возможность.

– По радио передавали. – Мурат редко ей врет, но ветер на улице действительно штормовой, поселок вполне могут обесточить.

Мама послушно размыкает губы. Толя тут же нажимает на кнопку аппарата, и облако распыленного лекарства вместе с протяжным гудением проникает в ее рот.

Тучи наконец выдыхаются, и дождь слабеет. В доме стоит тишина и пахнет лечебными аромамаслами. Хвойных свечей осталось не так много, а жасминовых до кучи. Купить бы еще набор, думает Мурат, вытирает пот над верхней губой и идет проверять сестру. Лестница на чердак скрипит под ногами, влажные руки скользят по перилам. Силы давно покинули его, в теле еще есть какие-то крохи, но они едва теплятся.

«Терпи, терпи, терпи».

Мурат надеется увидеть Милану спящей, ведь время давно уже перевалило за полночь, но чердак, где он днюет и ночует, сейчас мрачен и пуст.

– Мила, ты где?

В ответ – гулкое тиканье дедушкиных часов на стене. Подушки сложены в стопку, с утра не тронуты, и одеяло без малейшего намека на вмятины. Сестра, видимо, вообще не ложилась. Он спешно поднимает край покрывала – под кроватью никого. Под рабочим столом, где Милана любит точить карандаши, тоже. Даже окно проверил, мало ли что, но ручка тугая, ребенок не откроет.

Мурат смотрит в угол. Там, рядом со старым мольбертом, стоит продолговатый шкафчик. Внутри хранятся подрамники с холстами, различные тканевые обрезки и старое масло.

– Мила? – Он садится на корточки и чуть приоткрывает дверцу. Щель черная, не видно ни зги. – Ты здесь?

Слышится шуршание. Тихонько, чтобы не спугнуть, Мурат полностью отворяет створку. Милана прячется в куче забытого барахла, уткнувшись лицом в острые коленки.

– Ты зачем сюда залезла?

Она не поворачивается на его голос, только сильнее обнимает ноги руками.

– Ну, ты чего? Грозы испугалась?

Милана громко шмыгает носом. Плачет.

– Не нужно бояться, дождь прошел. – Он аккуратно гладит

ее растрепанные волосы. — Я дома. Все уже кончилось.

Плечи сестры дрожат, а пальцы на ногах поджимаются. Мурат приобнимает ее, чтобы вытащить, но Милана начинает пихаться локтями и скулить.

— Хочу к маме. — Ее голос тоненький и мокрый от слез.

— Мама заболела, — сипит Мурат, стараясь обуздать рвущийся наружу вопль. — Сегодня со мной поспишь. Хватит вредничать, вылезай.

В ответ снова удары локтями, пинки пятками и горькая истерика. Шкаф весь ходуном ходит, хлам валится наружу. Руки у Мурата от раздражения начинают хватать сильнее, дергать резче. Милана будто выросла в стенки, не поддается ни в какую, еще и кусается в придачу.

Он резко встает на ноги. Достало все. Ей в школу скоро, давно уже не маленькая, еще и упрашивать. Когда спина заболит, сама вылезет.

Внизу под тяжелым шагом стонет лестница. В проеме появляется светлая макушка Толика, затем и сам он, неуклюже разворачиваясь, залезает на чердак.

— Ты чего здесь? Я думал, ты уже домой ушел.

— Я с тобой переночую. — Толик опускается на подушки. — Родителям только что позвонил, предупредил. Ты же не против?

Мурат только за. Пусть ночует на кровати, Мурату не сложно поспать на полу. Друг, готовый вырубиться в любой момент, внезапно озирается по сторонам.

– Не вижу малую, она где?

Мурат неопределенно машет рукой в сторону угла:

– Забилась в шкаф – хрен выкуришь. Палец мне чуть не оттяпала. Сидит в тряпках и ревет.

– Зря ты так. Это ведь она мне позвонила сегодня, когда все началось. И когда я пришел, совсем не плакала, даже помогала немного. Ребенок еще, впечатлительная шибко.

Мурат стыдливо прикусывает губу. Пожалуй, сестра сейчас переживает болезнь матери сильнее, чем он. Превознося свою боль, Мурат и не понял, что пренебрег другими. Толик прав, как и всегда.

– Палец – это вообще пустяк. – Друг тихо смеется, зарываясь глубже в одеяло. – Вот тебе когда-нибудь волосы драли? Нет? Саша однажды вырвала мне клоч, до сих пор помню эту плешь на затылке.

Да, его сестра та еще заноза. Непонятно, как они уживаются под одной крышей. Мурат быстро засыпает под тихое сопение Толи. Спустя какое-то время где-то в темноте слышится шорох бумаги и стук упавшего подрамника. Милана прячется под бок брата, точно замерзший зяблик.

– Только без локтей, договорились? – шепчет он; затем, когда сестра обнимает его поперек груди, накидывает сверху покрывало.

* * *

Мед и яблоки

Помимо уведомления о пропущенном будильнике на экране телефона светится три сброшенных вызова полчаса назад. От отца. Видимо, тот после неприятного разговора пару дней назад так и не уяснил одну вещь – у него больше нет сына. Мурат кривится и добавляет его номер в черный список.

На кухне пахнет яичницей и жареными гренками. Из открытого окна тянет свежестью сырого дня.

– Я тут порылся у вас в холодильнике, пока ты спал. – Толик допивает кофе, подперев подоконник спиной. – Подумал, есть захочешь. Ты же вчера по-любому не ужинал, да?

– Не ужинал. – Мурат на мгновение зависает взглядом на накрытом столе. Он уже и забыл, когда нормально завтракал. – Не надо было, серьезно. Я не безрукий.

– Ешь уже. Елена Ануровна еще не вставала. Малая с ней, сказала, есть не хочет.

Неудивительно. Сейчас сестру из комнаты ни под каким предлогом не выманить, будет греться под боком, пока мама не проснется. Мурат, сконфуженный и насупленный из-за внезапной заботы, макает хлебом в расплывшийся желток.

– Твой телефон все утро вибрировал под подушкой. – Толик неловко переминается с ноги на ногу. Мурат замирает с вилкой у рта. Толик видел, кто звонил. – Это не мое дело, но,

может, все-таки твой отец поможет, если попросить? Давно названивает?

– Третий день уже. – Мурат работает челюстью с небывалой агрессией. – Он последний человек, к кому я обращаюсь за помощью. Без него справлюсь.

– Снова просит уехать?

Мурат молча кивает. От одной мысли, что когда-нибудь ему придется стоять рядом с отцом и его образцовым семейством, аж трясет.

– Ты же в курсе, да? Тебе не обязательно тянуть эту лямку одному. Я и Славка за тебя горой, на нас можешь положиться.

«Делать вам нечего, что ли?».

Друзья только тем и заняты, что помогают ему, нередко в ущерб себе. А Мурат волочится за ними, точно загруженный бараклом прицеп. В средних классах, когда здоровье матери ухудшилось из-за ухода отца, и дня не проходило без истерик. В школе, помимо уже привычного предвзятого отношения учителей и ехидных смешков одноклассников («Фу, узкоглазый идет», «Вали обратно в свою Чуркмению», «Твое место на рисовых плантациях!»), прибавились взрослые сплетни:»Ленка-то, только с мужем развелась, опять брюхатая ходит», «И не стыдно ей ноги перед всеми раздвигать?», «Пропавшая баба».

А Мурат рыдал в колени, запершись в кабинке туалета. Толик единственный тогда защищал его. Они однажды по-

клялись на крови, что навсегда останутся братьями. Этот братский союз до белого каления бесил других, так что друзья не сильно удивились, когда в один день их в подворотне встретили конченные ублюдки с битым стеклом в руках.

Мурат досадно вздыхает. Да, Толя всегда за него горой. Времена травли и драк уже прошли, но Толина бровь, рассеченная чьей-то розочкой, до сих пор не заросла. Его белесый шрам, немного задевающий подвижное веко, – прямое напоминание о том, что Мурату в свое болото лучше никого не тянуть.

Раздается звук входящего сообщения. Толик смотрит в свой телефон.

– Слава пишет, что хочет затусить вместе, но ты его опять игноришь. Сейчас расписхуется – мозги мне все выест.

Мурат нехотя отвечает:

– Скажи, пусть вечером приходит.

Слава нечасто попадаетеся ему на глаза, но при этом умудряется каким-то образом решать его проблемы наравне с Толей.

– Скажи ему сам. Ты с ним и так разговариваешь раз в пятилетку. Ему ведь, как и мне, не пофиг.

Мурат не горит желанием обременять Славу своим существованием, у того с Толиком спортивная карьера в самом разгаре. Своих забот полон рот. Если с Толиком Мурат знаком еще с детсада и встречи с ним проходят расслабленно, то со Славой – совсем наоборот. Мурат знает его от силы

полтора года, однако он еще со старших классов в курсе всего, что происходит в жизни Мурата. Тот долго отвергал его дружбу, думал, сам отвянет, но нет: Славка пригрелся основательно и надолго.

Радует, конечно, что друзьям не плевать на него, но Мурат убежден, что расслабляться не стоит. Это лето, как и прошлые, еще принесет ему кучу неприятностей.

Милана появляется на кухне через некоторое время с блестящими резинками в руках. Толя предлагает ей погостить у себя, пока мама с братом будут в больнице. Сестре эта идея не по нраву: она принимается упрямиться и активно навязываться поехать в город. Мурат аккуратно расчесывает ей волосы и уговаривает терпеливо, без вчерашних психов. Милане пока нежелательно знать, что маму положат на несколько недель.

Толя уходит ближе к двенадцати, прихватив изрядно расстроенную Милу. Мурат провожает сестренку до калитки и дает другу обещание, что встретится со Славой в ближайшее время.

Мама, хоть и дышит ровно, после вчерашнего еще не оправилась: ее взгляд сонный, движения медленные и усталые. Когда Мурат входит в комнату, она принимается спешно поправлять постель.

– Мам, брось, полежи еще. – Он освобождает место на тумбе, чтобы поставить кружку чая. – На ногах не держишься совсем.

– Мила мне их отлежала. А ты почему не на работе?

– Взял выходной.

Маме не стоит говорить, что ему совсем недавно звонил напарник, который в матерной форме пообещал, что пожалуется на Мурата начальнику за частые прогулы.

– После обеда съездим в поликлинику, хорошо? Сегодня как раз кто надо на регистрации, оформят как следует.

Он смотрит на ее мягко очерченный профиль в ожидании хотя бы кивка. Тишина отдает чем-то неприятным.

– Хорошо спала?

Толя слышал, как мама ночью вставала. После небулайзера ее может часами выворачивать наизнанку.

– Как младенец. – Ее ресницы подрагивают, бросая тени на гладкие щеки.

Мурат отводит взгляд в сторону, хмурясь. Мама всегда притворяется, что все в порядке, всегда недоговаривает и скрывает. Она стыдится своей болезни, старается, чтобы никто не видел ее измученную, поэтому сейчас Мурат чувствует эту натянутую, как струна, неловкость.

– Как там Толик? А то напугала вас вчера. Не выпалились из-за меня, наверное. – Ласковая ладонь сжимает запястье Мурата. – Прости, сынок, что вот так получилось... Ты ведь...

Он не дает ей договорить, и так знает, о чем пойдет речь:

– Перестань. Просто давай... не будем об этом, ладно? Пожалуйста.

Мама сжимает его руку сильнее.

– Я часто представляю, что все могло быть иначе, что вот это, – она касается своей больной груди, – лишь один из неудачных сценариев в моей голове. Когда я так думаю, я... вижу тебя счастливым ребенком, смеющимся так же звонко, как тогда, в дедушкином доме, помнишь?

Он кивает. Воспоминания о солнечном детстве в Капшагае он хранит глубоко в сердце, холит и лелеет.

– Мне видится, как мой сын превращается из смышленного малыша в красивого юношу, как затем становится мужчиной и идет... своим путем, правильно?

– Достаточно. – Мурат резко выхватывает свою руку и отстраняется. – Я ведь с тобой. Всегда буду.

Мама виновато прижимает его к себе. Ее руки, одежда, вся она пахнет прежним домом; воспоминаниями о тех днях, когда яблоки во дворе Царевых еще росли; когда ранки на коленях щипало от зеленки; когда по вечерам в янтарном свете ночника мама рассказывала ему волшебные истории о дедушке и его путешествии на край света.

– Кроха такая, а уже без будущего.

Мурату так сильно хочется вцепиться себе в шею ногтями и вырвать острый ком слез вместе с мясом.

– Мое будущее – это ты и Милана. – Мурат не скрывает, насколько раздражен. – Не гони меня.

– Нет. Твое будущее – это нищенское существование с больной матерью и с сестрой на шее. Тебе нужно подумать

о жизни, которой лишаешься.

Мама смотрит без укора, но выжидаяще. Все это слишком. Она никогда так открыто не просила его уйти. Да, периодически занималась самоедством, тревожилась о его жизни как, в общем-то, и всегда, но...

Внезапная догадка выбивает весь воздух из легких. Болезненный смех вырывается наружу. Это же так очевидно!

– Тебе отец звонил, да?

Молчание равно согласие.

– Вот же старый черт! – Мурат, злобно пыхтя, как паровоз, вскакивает и принимается ходить кругами по комнате. – Зачем ты вообще трубку взяла? Он тебе всякую дрянь в уши льет, а ты и рада верить.

– Не говори так о нем. Пусть мы и в разводе, но он все еще твой отец.

– Я ненавижу его, и ты прекрасно это знаешь. Сам сестру подниму, сам ее выучу, без его помощи. Слышал, что вахтеры нужны в августе. Я заработаю для вас денег, только погоди.

Отец даже на расстоянии умудряется гадить. Внушил матери, что она непомерный груз для сына, что, отказавшись от ответственности за нее, Мурат, наконец, устроит свою жизнь. Прекрасную жизнь в большом городе с кучей возможностей. Мастерская манипуляция, сказать нечего.

– Можешь ненавидеть меня, но я не уйду, понятно?

– Мурат, тебе ведь образование нужно.

Тот мягко проходится рукой по маминым волосам.

– Семья мне нужнее.

Небо, подернутое сизой пеленой, еще холодное. Воздух прохладный, пахнувший сырыми досками, течет через открытую форточку. У входной двери слышится какая-то возня, и незнакомый голос мямлит тухлые извинения. Мурат с опаской выглядывает в коридор. У порога мнется белобрысый пацан с нервно закушенной губой.

Мурат узнает его сразу. Это же тот с реки, заставший его неловкие попытки научиться курить. Приезжий, вчера днем тусовавшийся с Кириллом в магазине. Эти двое вполне искренне улыбались друг другу, прохаживаясь между стеллажами. Ни дать ни взять старые друзья.

Вот только Кирилл и дружба – понятия взаимоисключающие. Этот светловолосый тип, вероятно, у него в фаворе.

Еще с той встречи в магазине Мурат поставил на парнише галочку: не пересекаться и максимально избегать общения. Мурат на дух не переносит всех, кто хоть каким-то образом связан с Кириллом. Он не хочет терпеть в своем доме его шестерку – послать бы на три буквы, но Милана появляется достаточно неожиданно. Без слов пробегает мимо в чужой кофте, вся растрепанная, и ладошки холодные. Сбежала, как и всегда. Упрямая – цепляется к матери, как усик плюща. И что теперь – в больницу с собой везти, что ли? Мурат устало вздыхает. Видимо, придется.

Отношение к незваному гостю меняется на самую ма-

лость. Стоит, наверное, спасибо сказать, все-таки он привел сестру домой, но Мурат ограничивается натянутой улыбкой. Тратить слова на него – слишком много чести.

Дверь в комнату матери слегка приоткрыта. Видно, как Милана жметсЯ сбоку, точно замерзла. Та кофта все еще на ней. Глаза режет: снять бы поскорее, в доме чужому не место. Вздвинувшийся Мурат кусает ноготь большого пальца. Пацан говорит что-то, не слышно совсем, а мама слушает его с заинтересованной улыбкой.

Многие знают, что мама астматик, но редко кто приходит проведать. Соседи предпочитают не замечать их дом. Равнодушные стабильное и привычное. Теперешняя ситуация сильно похожа на чью-то глупую шутку.

Светлые волосы гостя блестят и переливаются, точно солнечные блики в кронах яблонь. От него пахнет чем-то сладким, приторным, кажется пчелиными сотами.

Толик звонит ему, слезно умоляя не ругаться. Говорит, Милана выскочила во двор шустро, и никто не углядел. Говорит, что сейчас же ее найдет, носом землю перероет, но найдет.

Мурат улыбается его забавной прыти и отвечает:

– Ее приезжий домой привел. Худой такой, светлый. Щеки беличьи. Знаешь кого-то похожего?

Толя с вселенским облегчением вздыхает в трубку, затем второпях кидает:

– Не-не, с приезжими не пересекался.

Когда Мурат чувствует, что сзади на него без стеснения таращатся, он еще раз убеждается в том, что идея матери попить чай с гостем вообще не ахти какая. Глупая инициативность. Он сам разберется, кого привечать, а кого нет. Этого типа, пискляво сюсюкающегося с сестрой, очень хочется не чаем напоить, а выгнать взащей. Милане не три года, а шесть: почти первоклашка, и отношения к себе заслуживает куда серьезнее.

Мурат выуживает из шкафчика коробочку с ромашковым чаем. Мама пьет его, чтобы хорошо спать, а Мурат не выносит, как он пахнет. Вот им пусть и давится: ни к чему хороший чай переводить на сомнительных личностей.

«А у твоего брата умелые руки, да?» – голос сзади негромкий с ленцой. Мурат настораживается. Слишком жирно для игривости, слишком тупо для подката и недостаточно заинтересованно для простого любопытства. Немой вопрос повисает в воздухе.

«Доиграется – всеку».

Мурат смотрит на него во все глаза: на солнечные пряди с лоском у пробора, на круглощекое нахальное лицо. Слышит заливистый смех Миланы, страшись того, что это странно приятное ощущение может превратиться в мираж. Вдруг он моргнет, а за окном ночь и сестра, обняв коленки, снова

плачет в шкафу?

Ее смех не прекращается. Милана улыбается этому парнише, льнет к нему, полная детского счастья, словно в лице незнакомца нашла такое же тепло, что и в объятиях матери.

Денис Царев. Как Мурат мог забыть о нем? Это имя наполняет выцветшие воспоминания красками. Семья Царевых – это узкий шумный двор, это переломанные цветы в клумбах и волдыри на икрах от жгучей крапивы. Это крашенный забор с выпавшей дощечкой и две гибкие золотистые яблони. Мурат помнит, как над перезрелыми плодами жужжали пчелы, как сок, сладкий и липкий, стекал по подбородку, когда его молочные зубы с хрустом откусывали украденное яблоко. В носу стоял запах скошенной травы и сладкого лета.

Денис смотрит на Мурата с неловкой улыбкой. Рот у него большой и громкий, таким только смеяться до боли в животе или ругаться забористо. Это совсем еще зеленый мальчишка с избытком эмоций и непомерной жаждой общения. Уже не школьник, но еще не взрослый.

Денис с напускной усталостью вещает, что учеба на престижном факультете его не устраивает, дескать, не мое это, родители навязали. Мурат другого и не ждал. Очевидная безответственность, приправленная жалобами на жизнь. Подростковый максимализм на лицо. Даже о будущем спрашивать было как-то глупо – и так все ясно.

«Мне все-то восемнадцать. У меня есть право на ошиб-

ку» – Мурата от этой реплики коробит. Мгновение назад Царев недовольно фыркал, ныл, что его лишили выбора, а сейчас в открытую заявляет, что будет и дальше сидеть на родительской шее, свесив ножки. Ведь учиться не абы где, а в Новосибирске, наверняка нужд не знает, но откровенно плюет на родительские старания и ничего сам не предпринимает, плывет по течению, не думая о завтрашнем дне. Совершеннолетие не дает право на ошибку. Это не волшебный возраст, это нарастающая куча дерьма, которую приходится разгребать самому, если хочешь выжить.

Мурат больше не намерен терпеть Царева у себя в доме. С матерью поздоровался, теперь пусть катится на все четыре стороны. Мама назвала его «вежливым и милым юношей», когда ранее Мурат силился объяснить ей, что новые знакомства в Ручейном он заводить не хочет. И предчувствие его не подвело: Денис не вызывает ничего, кроме презрения.

– Мальчик из большого города, – говорила она. – Наверняка многое знает и расскажет, если ты попросишь. Пообщайся с ним, присмотрись, мало ли, подружитесь.

Смотреть тут не на что. Ходить с крашеными волосами в Ручейном не безопасно. На памяти Мурата в старших классах одному пареньку, решившему поэкспериментировать с внешностью, местные гопники сломали челюсть на старой барже. Бедолага два месяца не говорил и ел через трубочку. Дениса ждала бы такая же судьба, живи он здесь.

Мурат невольно задумывается: будь Денис жертвой трав-

ли, они бы подружились? Но оба они разные, насколько возможно: Мурат родился не в цивилизованном мире, а на дне без возможности нормально выучиться, он не умеет самовыражаться, скрытен и держит свои мысли при себе; Денис же... видно, что с людьми общаться не боится, сам тянется дружить, получает хорошее образование и живет без каких-либо обязательств.

У кого-то все стабильно хорошо, а у Мурата впереди только чернеющая неизвестность. Это, блядь, бесит.

Руки, привыкшие к горячей струе, моют посуду агрессивными рывками. Тарелки и кружки громко звенят сквозь шум воды. Солнечные зайчики мелькают в листьях, подмигивают игриво и плавно опускаются на порозовевшие ладони. Мурат чувствует, как жаркое солнце греет щеки, и незаметно погружается в мысли о светлых волосах, пахнущих пчелиными сотами.

Сердце отбивает нешуточный ритм, отдаваясь в ушах. На языке Мурата расцветает знакомый вкус яблок и меда, любимый и одинаково ненавистный.

Ревностные стражники

Денис, прижав телефон плечом к уху, цепляется за шершавую стенку шифоньера и приподнимается на носках. Матрас под его ногами продавливается до самых пружин. Связь ловит исключительно в этом углу комнаты. Денис кряхтит в трубку – так хочется сменить позу, но тогда из-за помех Юрка совсем ничего не услышит.

Это первый за долгое время удачный звонок в Новосибирск с глючного смартфона. С домашнего бабушкиного телефона вызов проходит только с другой стороны. Каторга какая-то, а не лето, честное слово.

Юрка громко шмыгает носом. У него аллергия на все зеленое с цветочками и стебельками. В Новосибе сейчас самый разгар цветения, и бедолага ныкается в каждый темный угол с медицинской маской на пол-лица.

Юрка многим кажется забавным и милым парнишей, но Денис знает, что по большей части тот невыносимый зануда и дотошный перфекционист. Учится в медицинском, потому пашет двадцать пять на восемь. Денис давно привык к его мелочному характеру, а Юра, пусть и ворчит на друга за расхлябанность, тоже чужие недостатки стоически терпит. Потому что дружба такая штука – чем больше взаимных уступок, тем крепче.

Когда Юра будничным тоном интересуется, заобщался ли

он с кем-нибудь, Денис подробно рассказывает про встречу с местным красавчиком Кириллом. Хочет еще упомянуть Милу, эту очаровательную бусинку, но спотыкается о последний разговор с Муратом. Вчерашняя встреча с ним отпечатывается в памяти как одно из самых ужасных воспоминаний этого лета. Мурат смотрел въедливым прищуром, буквально каждое слово цедил, когда Денис из последних сил пытался поддержать диалог. Словом, то еще удовольствие.

За окном кто-то заразительно хохочет. Денис напрягает зрение: по ту сторону забора с громкими визгами двигаются смазанные тени. Юрка, протяжно простиная на вдохе, громоподобно чихает в динамик. Денис от неожиданности подсакивает, и телефон почти соскальзывает с плеча.

Их разговор неизбежно задевает предстоящий день рождения Дениса. Праздновать его фактически не с кем. И с алкоголем в эти каникулы он точно перебьется, разве что брагу ставить на худой конец.

– Я уже присмотрел тебе презент. И только попробуй это не носить!

– Что, опять куча мерча со спанчбобом? – Денис опускает придиричивый взгляд на свои желтые носки с главным героем упоротого мультика.

– Обижаешь. Апгрейд высшего уровня.

Денис ехидничает:

– Ну конечно.

Если бы Юрку каким-нибудь чудом занесло сюда аккурат

на нужное число, это было бы лучше всяких носков и футболок с глазастой губкой. В качестве запасного плана есть еще Кир, который сам, между прочим, оставил свой номер.

Шпана на улице опять взрывается диким смехом. Денис поворачивается к окну в желании кинуть парочку ругательств, но не успевает. Чем-то более материальным кидают в него самого.

Вначале гремит так, словно на пол упал глиняный горшок. Затем стекло с дребезгом вылетает из рамы. Теннисный мячик, отскочив от осколков на полу, закатывается под кровать. Денис хватается за грудь: еще пара миллиметров, и башку бы расшибло.

Юрка переходит на опасливый шепот:

– Это сейчас что было?

– Жесть, здесь жить опасно. Я перезвоню.

На пол теперь не наступить, и ночью с комарами спать придется. Пыхтя и злясь, Денис высовывается во двор.

– Эй!

С десяток ребятишек, испуганно кучкующихся у калитки, поднимают лица в его сторону.

– Вы совсем поехавшие? Кто вообще у домов битой машет? Сейчас кому-то этот мячик в зад засуну!

Какая-то девчонка отвечает из толпы:

– Себе засунь, слышь! Случайно вышло.

У Дениса от такой дерзости волосы на ногах встают дыбом. Долговязая грубиянка со знакомой надписью на фут-

болке «Тіло – не товар. Жінка – не бренд» смотрит на него с вызовом, никак не реагируя на предостерегающие тычки дружков по бокам.

– Ах ты мелкая...

Дверь веранды с громким скрипом открывается. Внимание задиристой пацанки переключается на спускающуюся с крыльца бабушку. Денис замолкает от греха подальше, ведь в этом доме Римма Аркадьевна имеет безоговорочную монополию на все ругательства.

Разбирательство, кто все-таки произвел роковой замах битой, переносится на кухню. Языкастая девчонка держится рядом с бабушкой непозволительно дерзко. Тот факт, что кто-то старший отчитывает ее за плохой поступок, ее совсем не смущает.

– Хулиганка! Сегодня же позвоню твоей матери, расскажу, с какой компанией ты водишься! Ты же не мальчишка, в конце-то концов. Погляди на себя: стыд и срам!

– Девочкам не запрещено играть в футбол. Спорт – это не про пол, а про умения, баба Римма. То, что вы говорите, – дискриминация.

– Дискри... мин... Тьфу ты! Эти новомодные словечки, Александра, придержи для других. Толик в твоём возрасте себе подобного не позволял. Раз решила в мальчишку переодеться, то хоть с брата пример бери. А ты куда? – Бабушка видит, как Денис старается незаметно пристроить у мусорки пакет со стеклом. – На улицу тащи, на улицу! Еханий бабай,

мозги твои где?

Девочка Саша злорадно улыбается, сверкая стальными скобами во рту. Денис хочет наехать, мол, что смешного, но бабушка берет в руку кухонное полотенце, так что приходится спешно удирать.

Осколки с мерзким скрежетом падают в кучу хлама за дедушкиным гаражом. Денис вытирает пот со лба, заметив шум у калитки. Мальчишки в спортивной форме до сих пор стоят там в ожидании своей косорукой подруги. Те шушукаются между собой, прислушиваясь к бабушкиным нравоучениям за закрытой дверью веранды, вытягивают головы, в надежде разглядеть, что там творится. Кто-то нервно заламывает руки, кто-то со скуки чертит круги не песке, кто-то упирается лбом в чужое плечо и недовольно ворчит на остальных.

Атмосфера мгновенно оживает, когда откуда-то с проезжей части прибегает здоровый парень с красной банданой на лбу. Затормозив около мелюзги, он приводит дыхание в норму, оперевшись руками о колени. Мальчики кучкуются вокруг него и что-то плаксиво канючат.

Этот незнакомец заявляется в дом, когда Денис воровато допивает воду под испепеляющим взглядом бабушки. Девчонка с говорящей футболкой виновато тупит взгляд. Бабушка как по щелчку пальца добреет. Живо вскакивает с места, чтобы родительски обнять «красную бандану», приговаривая: «А вот и наш малютка пришел».

Парень краснеет, давит лыбу от уха до уха, а Денис плясится на него с глазами навывкат. Бабушка «молодец»-то с огромным трудом выплевывает, надувшись при этом как рыба-еж, а тут... Какой, к черту, малютка?

Кабан целый, выше Дениса на голову. На плечах хоть боинг сажай; икры в гетрах как камень, и руки охвачены змеистыми венами. Лицо бледное, влажное от пота, с мягко очерченным подбородком, а челюсть по-мужицки острая. Отросшие волосы мелкими завитками выбиваются из красной перевязи.

Бабушка между делом интересуется у гостя насчет родителей.

– Мама вылечила шею, просила передать, что мазь помогла. С отцом тоже все хорошо, скоро на вахту уедет.

– А дед?

– Жив-здоров. Скоро рыбачить поедем. – Короткий кивок и обеспокоенный взгляд в сторону виновницы ситуации. – Баба Римма, мне бы Сашку забрать, а то тренер ждет.

В ответ ироничный смешок:

– Тренер? А кто мне окно чинить будет? Может, мой внучок, у которого все из рук валится?

Денис пристыженно ойкает:

– Ну ба...

Сашка беззвучно хохочет в кулак. Бабушка закатывает глаза:

– Знакомьтесь уже, а то как неприкаянные.

Денис удивляется самую малость, когда слышит чужое имя. Славу Банина он представлял именно таким, здоровым детиной, как и подобает футболисту. Разве что ямочки на щеках и кудри на затылке становятся приятной неожиданностью. Теперь ясно, почему он так нравится Катюшке.

Холодный апельсиновый сок приятно освежает в такую духоту. Денис выпивает стакан залпом, отчего в следующее мгновение у него начинают ломить зубы. Бабушка наливает всем, кроме Саши: та все еще не извинилась за разбитое окно. Слава зыркает на нее с укором, но не препятствует, когда она внаглую пьет из его стакана.

Слава обещает, что к вечеру самолично организует починку, мол, стекло целое есть у деда, только в раму вставить. Помощь на кухне станет отличным наказанием для пакостницы Сашки. Денис на это самодовольно хмыкает. Та показывает ему средний палец, спрятавшись за широкой спиной Славы.

Когда узорчатая калитка закрывается за ними, малышня спешно двигается за Славой ровным строем, как выводок утят за мамой-уткой.

Новое стекло приносят к вечеру. Денис ожидает увидеть кого-нибудь из взрослых, может быть дедушку Славы или отца, но тот приходит со своим другом. Толя Смирнов, о котором рассказывала Катя, выглядит мощно – настоящая гора. У него доброе лицо, как у олимпийского мишки, рот улыбочивый с щербинкой между передними зубами. Он выглядит более сдержанным, чем Слава, и во многом не сходится с

ним во мнениях, однако это нисколько не портит их дружбу.

– Воспитание обязано быть базовой установкой, – говорит Слава, вычищая из рамы стеклянную крошку. – Иначе ни о каком порядке и речи быть не может. Бунт – это, конечно, круто... но косяки Сани – это сугубо ее проблемы.

По словам друзей, у Саши вечно шило в одном месте, невыносимая язва, и ведь сначала даже в голову не придет, что они с Толей родные брат и сестра, – настолько непохожи друг на друга. Денис не прислушивается к страдальческим завываниям Славы – боится, как бы стекло не выскользнуло из вспотевших рук. Толик, заканчивающий заколачивать раму, только хохочет над другом, мол, сам взял девчонку под свою ответственность, мучайся теперь.

Саша закономерно отбывает наказание на кухне, и Денису жуть как хочется глянуть на это. Бабушки на кухне, к счастью, нет. Сковорода щелкает, масло разбрызгивается по плите и фартуку. Девчонка, сосредоточенно закусив губу, жарит мясные кусочки. Судя по тому, как часто она ругается и вертится ужом у плиты, с готовкой у нее большие проблемы.

Парни тем временем заканчивают с окном. Толик складывает инструменты в пластмассовый кейс, Слава придирчиво глядит на оконную раму, упершись руками в бока, а потом уходит к бабушке, чтобы отрапортовать о проделанном, пока Толик и Денис убирают весь мусор.

– Мы с ним живем в общежитии и делим одну комнату, – го-

ворит между делом Толя. – Славка – ранняя пташка, всегда меня по утрам будит и готовит смузи из кураги. Кстати, пил подобное? Советую. Хорошо очищает организм и для сердца отлично.

Они, как «двое из ларца», невольно думает Денис. Славка все еще шатается где-то, и его лучший друг, воспользовавшись этой отлучкой, сдает всю его подноготную:

– Эту историю здесь знают все. Я сам тогда не присутствовал, да и в то время мы с ним еще не дружили. У нас на задворках есть огромное поле, вроде в советское время там кукурузу выращивали. И вот семилетний Славка с друзьями решили построить посреди этого поля базу. Значит, притащили веток и всякого мусора с леса... ну, в курсе, да, как это у детей бывает? А потом Славка давай выщипать лишнюю траву, чтобы пол их берлоги был чистым, но быстро устал и потому подбил одного мальчика украсть спички у родителей...

– Не-е-е. – Денис откидывается на спинку кровати, смеясь. – Совсем не верится. Так не бывает.

– Честно-пречестно. – Толя легонько бьет себя в грудь. – Прямо слово в слово тебе пересказываю. Того мальчика за спички добротнo выпороли... как и всех в общем-то, потому что траву Славка таки поджег. Чуть весь наш околоток не спалил. Дурачок.

Сурово. Если бы его детство прошло точно так же, с горячей от порки задницей, то, возможно, не пришлось бы сей-

час платить кучу денег врачу. Как известно, клин клином вышибают.

Под окном в пышной клумбе шумят кузнечики, а вдоль дороги в медовом свете уличных фонарей гуляют редкие прохожие. Через открытую форточку доносится отдаленный гул машин, и макушку приятно обдувает вечерней прохладой. Толик, заметно разомлев от разговора, припоминает еще парочку местных историй, от которых у Дениса, кажется, вот-вот развяжется пупок.

Дверь в комнату открывается, впуская запах жареного мяса и высокий голос женщины из песенной программы. Слава стоит в проходе, ковыряя ногтем в зубах.

– Чего ржете? Ужин готов. К столу извольте.

Денис покрывается холодным потом, когда до него доходит, что бабушка не включала никакой телевизор и звонкая певица на деле – сестра Толи. Саша исполняет «Люди встречаются, люди влюбляются, женятся...», потому что бессовестно ругнулась, когда опять ошпарилась маслом. И исполняет, кстати, очень сносно.

Оказывается, Саша когда-то пела в школьном хоре, а теперь берет у Славки уроки вокала, пока он на каникулах.

– Не девчонка – золото. И в спорте, и в пении хороша. – Слава говорит это с отцовской гордостью. – Только спеси... ты же извинилась перед бабой Риммой, да?

Саша выдавливая из себя злое «угу», не поднимая взгляда в ответ.

– Не слышу.

– У-у-у, прилипала.

Бабушка активно спрашивает Толика об учебе и как поживают родители, «а то что-то редко вижу твою мать, не заходит совсем, раньше раз в неделю прибегала». Толик отвечает что-то, улыбаясь глазами, а Денис искоса глядит на притихшую Сашку, за которой Славка ухаживает как истинный джентльмен: то сока ей подольет, то положит салата побольше, то вазочку с вареньем поближе пододвинет.

За вкусной едой все заметно веселеют. Бабушка достает из погреба холодную брагу, а спустя какое-то время на кухне появляется старая дедушкина гитара. Слава играет простенькую мелодию на пробу, чтобы привыкнуть к чужому инструменту, затем заговорщически кивает Толику:

– Ну что, брат, боевую?

«Боевая», в противоположность громкому названию, звучит мило и запоминается быстро. Партии гармонично чередуются между собой, а голоса парней ласкают слух. Бабушка, прикрыв глаза, довольно мурчит себе под нос, а Сашка хлопает в ладоши, подпевая на знакомых частях.

Денису тоже очень хочется подпевать, но единственное, на что он способен, это беззвучно открывать рот в момент припева. Слишком много страха и стеснения. Он до сих пор помнит ту неудачную попытку пройти на конкурс талантов в средних классах. Юрку тогда оторвали с руками и ногами и отправили петь на район, а Денис, раскритикованный все-

ми, даже родителями, записался в кружок фотолюбителей и больше перед публикой не выступал.

Но теперь, поражаясь высоким нотам Толика и прекрасной игре Славки, Денис с удовольствием понимает, что он давно уже не зажатый школьник с кучей комплексов. С того фиаско прошло достаточно времени. Кто знает, может, именно сегодня у него получится, может, именно сейчас стоит начать верить в себя. Саша, совсем не стесняясь своих брекетов, уже не сдерживается и всюю поет с ребятами. Да, порой в ноты не попадает, порой коряво ставит голос и натурально дурачится, но это не мешает ей наслаждаться процессом и весело проводить время. А Денис чем хуже?

Громко хлопает входная дверь. Это с работы возвращается Катя.

Бабушка, словно с дверным хлопком очнувшись от гипноза, говорит, что пойдет спать. Время давно уже перевалило за девять.

Катюшка по-сестрински взъерошивает кудри Славы, а тот сияет улыбкой, как начищенный медяк. За его спиной Сашка демонстративно пихает себе в рот два пальца, имитируя звуки рвоты. Когда Денис убирает со стола, он четко слышит ее ревнивое «подкаблучник».

Посиделки заканчиваются ближе к десяти, когда все песни уже спеты, а ужин съеден. Сашка без стеснения закатывает глаза, когда Слава предлагает Кате свою помощь с грязной посудой.

Прощаясь с ребятами у калитки, Денис впервые за все время в Ручейном так отчетливо ощущает лето. Толик с радостью соглашается позаниматься с ним пением в будни. Славка же, поразмыслив, говорит, что обучать игре на гитаре регулярно не сможет.

– Работа у меня. На этой неделе ночных смен полно. Напарник заболел. Но ты не унывай, поднатаскаю тебя, если надо.

После упоминания о напарнике Денис чувствует, как по спине бегут мурашки.

Толик напоследок рассказывает про школьного учителя, у которого они учились вокалу, а Славка кивает и добавляет свое. Вся их речь превращается в неразборчивый шум где-то на середине.

«Котов еще в школе втюрился в одного...»

«...футболиста».

«В общем, плохо все кончилось».

«А. Славка-то...»

«...Он избежал участи Мурата».

«Он же не виноват в том, что какой-то ненормальный втрескался в него».

Перед глазами встает серьезное лицо Кирилла, и его голос в голове звучит как наяву. Денис с подозрением поднимает взгляд на Славу.

Интересно, что тот почувствовал, когда ему признался одноклассник? Отвращение? Равнодушие? А может?.. Нет-нет,

ведь Славка даже намек не давал, что Мурат его друг. Ну и что, что Толик знаком с Муратом с пеленок? Это ничего не значит, как и то, что Слава работает с Котовым на заправке. Случайность, не более.

«А если нет?»

– Передай, пусть выздоравливает.

Славка закрывает калитку на щеколду с внешней стороны.

– Кто? – Он поднимает глаза. Холодный свет уличных фонарей превращает его лицо в гипсовую маску.

– Мурат.

Слава недовольно сводит брови, смотрит укоризненно, будто на нерадивого ученика. Толик обеспокоено дергает его за рукав футболки, что-то говорит одним только взглядом. Славка шумно выдыхает через нос и, взяв Сашу за руку, уходит с ней вперед.

– Я сказал что-то не то? – Денис нервно чешет свой затылок. Он облажался, и, видно, по-полной.

– Не то чтобы. – Толик пожимает плечами. – Понимаешь, Слава очень чувствительный, особенно когда дело касается...

Он, полный невысказанного сомнения, некоторое время молчит, раздумывая над чем-то, затем аккуратно интересуется:

– Значит, с Муратом Котовым ты уже знаком?

– Я виделся с ним пару раз. Не более. – Денису неприятно то того, что его слова звучат как оправдание.

Будто, упомянув лишь имя, он посягнул на что-то запретное, личное, на что-то, о чем можно говорить только в закрытых кругах. Мурат вдруг становится сокровенной тайной, а Толя и Слава – его ревностными стражниками.

– Ясно. Не нервничай так, все хорошо, ты же не сказал ничего плохого.

– Послушай... – «Позорище. Черт, просто спроси. Не убьют же за это, в конце концов». – Почему Слава пришел только с тобой? Вы же с Муратом друзья. Вроде.

– А он тебе зачем-то нужен?

– Нет-нет, я просто так спросил. – Денис с напускным безразличием машет ладонью.

Этот разговор с самого начала был провальным, и сейчас идет в никуда. Толик, готовый в любой момент сорваться догонять Славу, это понимает. Он сдержанно добавляет:

– Мурат нечастый гость компаний. Мы редко вместе собираемся. Мурат сам по себе, и это всех устраивает. Постарайся не беспокоить его, хорошо?

Денис невольно хмыкает. Толик что, его только что предостерег? Все касающееся Мурата теперь вызывает еще большую неуверенность. Денис совершенно точно не имеет никакого права интересоваться подобными вещами. С чего он вообще решил, что Толик скажет по-другому? Ему еще спасибо сказать надо, что отправил Славку восвояси. Тот бы точно не возился: послал бы, и дело с концом.

Денис возвращается в свою комнату, с громким хлопком

закрыв за собой дверь. К гадалке не ходи, Славка имеет прямое отношение к происходящему в Ручейном и в жизни Мурата занимает не последнее место. Толик подтвердил это, когда упомянул его чувствительность.

Денис, раскинув руки на постели, смеется над самим собой. Завел друзей, называется. Ребята теперь будут смотреть как на чудака. А как начиналось все прекрасно! Но теперь из-за какого-то... Вот приспичило же о нем спросить! Денис, поддавшись злости, выпинывает одеяло на пол. Сплошные проблемы от этого Мурата. Чтоб ему там икалось без перерыва. Бесит.

Телефон вибрирует от входящего сообщения. Крестика на значке связи нет, вместо него горят целых две палочки.

Кир:

Занят?

Что ж, значит, судьба действительно существует. С Толей и Славой теперь не затусить даже в перспективе, однако Денис не намерен киснуть со скуки.

Вы:

Нет

Го ко мне на др через пару дней?

Сообщение меняет статус с «отправлено» на «просмотрено» спустя пару секунд. Пофиг вообще, думает Денис, будь что будет.

Недомолвки

Кирилл отвечает к обеду следующего дня. Денис, согнувшись над телефоном в позе креветки, старается им не шевелить, чтобы связь никуда не пропала.

Кир:

20-го у меня выпускной, так что встречное предложение: подтягивайся к нам, заодно днюху отметишь.

Денис громко хлопает в ладоши. Ну ты погляди, как все удачно складывается! Двадцатого ему как раз и стукнет девятнадцать. Никакого чая в компании бабули, никаких душещипательных поздравлений от родственников и влажных чмоков в щеку. Даешь полный отрыв в компании незнакомых выпускников! В том, что будет алкоголь, сомневаться не приходится, ведь Кирилл через пару минут добавляет:

Кир:

Намутим нефти.

Это просто лучшее начало дня за все каникулы. Денису действительно хочется общаться с Кириллом теснее, пусть он и смущается порой, вспоминая красивое лицо старосты. Недостаток друзей на лето дает о себе знать.

Друзья, однако, объявляются намного раньше. Толик звонит ему на бабушкин телефон и интересуется насчет уроков вокала. Такого внимания Денис совсем не ждал: им уже был поставлен жирный крест на попытках подружиться с То-

лей и Славой. Вчерашний вечер все еще отстукивает внутри неприятным ощущением стыда.

На удивление, со стороны Толика нет никаких негативных поползновений: тот не упоминает об их разговоре у калитки и, кажется, совсем не помнит о нем.

Денис слышит с той стороны неразборчивую речь Саши и мягкий голос женщины.

– Мама спрашивает, придешь ли ты на обед? – Толик выжидает пару секунд, пока Денис тянет неуверенное «ну-у-у», затем добавляет веселым тоном: – После чая будет холодный арбуз.

Арбуз – это определенно аргумент.

– А Слава будет?

Никакая еда не заставит идти в гости, если Слава все еще держит на Дениса зло.

– Сегодня – нет. А послезавтра захвати гитару. Он сказал, что время есть.

– Э-э-э, – Денис неловко теребит пружинистый провод, – если ему трудно, то я, это, наверное... Ну, не буду, короче...

– Все нормально – чего заднюю даешь? Чтоб через полчасы был у меня как штык. Как добраться, знаешь?

* * *

Денис находит дом Смирновых без проблем. Двухэтажный, с крупной черепицей, он сразу бросается в глаза. Пыш-

ные кусты таволги растут вдоль забора, опускаясь белыми кистями цветов до самой земли.

Где-то во дворе раздается громоподобный собачий лай, затем звон стальной цепи. Из-за угла гаража выскакивает мускулистый кобель с кожаным ошейником, впивающимся в его шею при надсадном лае. Денис может поклясться, что в этот момент чуть не наложил кирпичный завод.

Когда со стороны крыльца свистит Толик, собака с поджатым хвостом трусит обратно в будку.

– Вот это псинка! – Денис разувается на веранде.

– Не бойся. – Толик убирает его обувь в угол и дает махровые тапочки. – Кыча без мозгов еще, соседского кота так боится, что писается.

На кухне Сашка и их мама – коротко стриженная женщина в очках – заняты готовкой. Денис здоровается со всеми и садится за стол, скромно сложив руки на коленях. Толик набирает из нескольких салатов по ложке и наводит себе окрошку. Перед Денисом жаренная с укропом картошка, рыбные котлеты и наваристые щи. Из сахарницы торчат конфеты «Москвичка», а в вазочке соблазнительно поблескивает апельсиновое варенье. Когда на кухню заявляется отец семейства, все усаживаются поудобнее и желают друг другу приятного аппетита.

Обед проходит очень оживленно: помимо вежливых вопросов о жизни Дениса, кто-то из семейства временами отвлекается то на шутки, то на ситуации (настоящие анекдо-

ты), происходящие в их доме. У Дениса от хохота чуть квас носом не идет. Любовь Толика к веселым историям и его доброжелательность достались ему от родителей.

Его отец, подтянутый мужчина с ярко-выраженными скулами, с интересом рассказывает Денису, где в городке можно привести себя в форму. Как только у кого-то пустеет тарелка, мама Толика немедленно подкладывает еще. Под конец Денис из-за стола не выходит – выкатывается тяжелым шариком. Он парень тощий, столько есть не привык. Арбузные дольки, оставленные на десерт, в него уже не лезут.

Комната, в которой Денис ждет Толика, довольно большая и разделена шифоньером на две части. В Толином углу все дотошно организовано, каждая вещь на своем месте, ни пылинки нет, ни брошенной случайно бумажки. А на стороне его сестры будто Мамай прошелся. Кровать завалена мягкими игрушками. У ножек неаккуратной стопкой громоздится куча комиксов. Пустые пачки из-под чипсов валяются там же; из них сыплются крошки. Мятая школьная форма висит на плечиках на ручке окна. Из щели гардероба выглядывает одежда, брошенная кучей, а на дверце висит пластмассовая табличка с красной молнией и жирной надписью: «НЕ ВЛЕЗАЙ – УБЬЕТ».

Судя по расположению, рабочий стол был когда-то общим для брата и сестры, но теперь он полностью занят школьными учебниками и тетрадями. Над столом блестит стеклянная полка, отражая на своей поверхности тяжелые медали,

серебристые и золотистые кубки. На одном из лакированных пьедесталов печатными буквами написано: «Смирнов Анатолий. Лучший нападающий – 2016». Рядом, сиротливо пристроившись между наградами Толика, стоит рамка с дипломом Саши: «За неоценимый вклад в спортивную жизнь школы».

Урок вокала начинается не сразу: вначале всему съеденному нужно нормально улечься в желудке. Пока Саша ворчливо прибирает свой бардак, Толик и Денис смотрят обучающие видео и различные лайфхаки по разогреву голоса.

Первым делом Денис учится, как правильно дышать. Эти упражнения чем-то похожи на те, которые рекомендует ему врач при приступах. Отчитывание скороговорок и быстрое повторение алфавита обещают помочь с дикцией. На съеденные окончания слов Толя недовольно качает головой и заставляет повторять до посинения. Он хвалит Дениса, но не захваливает, ведь работать еще много.

* * *

Работы действительно прибавляется, когда случается первый урок по гитаре. Денис откровенно трусит говорить с ним, однако когда Слава встречает его у въездных ворот доброжелательным хлопком по плечу, с плеч будто сваливается непосильная тяжесть.

Комната Славы напоминает мини-студию: вокруг разное

оборудование для записи, а в углу микрофон с нахлобученным черным диском. Он не жалеет на свое хобби ни времени, ни денег. До этого момента Денис думал, что в такой глуши у молодежи просто быть не может «городских» интересов.

Как и у Толика в комнате, здесь есть центральное место для Славкиных школьных наград. Помимо золотых статуэток и грамот, Денис видит несколько штук застекленных фотографий. В одной из рамок, размером с чехол для телефона, от улыбки светится лицо Сашки.

В первые же минуты занятия становится ясно: Слава настроен серьезно и выжимать будет по полной. С каждым косяком или неуклюжим выпадом он дотошно проходится по всем ошибкам и не отпускает до полного усвоения даже в туалет. Денису остается только молча его проклинать: всю строгость бывшего капитана футбольной команды он в полной мере ощущает на своей шкуре.

Следующая их встреча происходит в доме Смирновых. При разогреве связок Толик поощрительно улыбается, благодаря чему упражнения даются легче. Но как только Славка вносит свою лепту, Денис, испугавшись его требовательности, срывается и заходится сухим кашлем. Чтобы смягчить связки, Толя угощает Дениса чаем с медом, а Славку здорово отчитывает.

В разгар занятия со двора слышится яростный лай Кычи. Спустя какое-то время дверь в комнату открывается, и в комнату заглядывает крошка Милана. Рядом с ней стоит

Мурат.

Денис убирает гитару в сторону и машет девочке рукой. Та, смущенно опустив взгляд, подходит ближе. Денис не скужится на комплименты: хвалит ее розовое платьице, ее акkuratные косички и хорошенькие ямочки на щеках. Он чувствует затылком, с какими ревностью и раздражением Мурат прожигает в нем дыру, словно видит в нем потенциальную опасность для своей сестры.

Денис спешит исправить ситуацию и протягивает ему руку для пожатия. Судя по лицу Мурата, которое мгновенно каменеет, должно быть, этой ладонью Денис недавно пере-дернул, не иначе.

Тот демонстративно отворачивается, и рука Дениса безжизненно падает. Толик, наблюдая за этим, напряженно прикусывает губу. Мурат обращается к нему в полголоса:

– Я приду вечером, не закрывайте калитку. Дай малой карандаши – она не сбежит. Извини за прошлый раз.

– Все нормально. – Они говорят не таясь. Денис не хочет греть уши, но все равно их слышит. – Можешь остаться с ночевкой. Миле здесь спокойнее.

Мурат думает. Гитара издает неуклюжий звук.

– Нет. В доме работы по горло.

Слава спрашивает что-то неразборчиво – Денис выцепляет слово «отец». Мурат отвечает отрицательно, затем поворачивается к сестре:

– Мила, я отлучусь ненадолго, хорошо?

Та плаксиво качает головой, обнимает брата за ногу.

– Ну тише, ты чего? – Мурат немного краснеет. Его смех переливается как жемчуг.

Такой же смех у него был на берегу реки, когда Денис впервые увидел его. Жесткие стебли осоки цеплялись к одежде, а кожа в приглушенном свете закатного солнца казалась карамельной. Так почему сейчас Мурат только и делает, что пассивно презирает? Что изменилось?

– Я быстро. – Он гладит сестру по голове, а Денис не может оторвать глаз от его маленькой ладони. – К маме сходим завтра, только не сбегай и слушайся Толика, ладно? Пойдем, – это он Славке, – до калитки проводишь.

Тот тяжело отклеивается от стены и уходит с ним.

– Я не понимаю. – Денис наблюдает, как Толик роется в ящике стола. – Чем я заслужил такое отношение? Не в обиду, конечно, но твой друг ведет себя как сволочь. Я ведь ничего ему не сделал.

Ответ звучит отвлеченно:

– Забей. Не нужно искать какие-то мифические причины. Мурат плохо сходится с людьми, он замкнут, как и его сестра. Ты тут ни при чем.

Глаза Миланы блестят от слез. Толик по-родительски усаживает девочку на стул и принимается с ней рисовать. Она видится Денису беззащитной крохой, маленькой незабудкой среди скальных пород.

Разница между Сашей и Толей не удивляет настолько

сильно, насколько шокирует непохожесть между Муратом и Миланой. Если с Милой все и так понятно (жертва травли дворовых сопляков по-другому себя вести и не будет), то с Муратом дела обстоят странно. Он, кажется, ненавидит без какой-либо причины, и это просто не имеет первоисточника. Все это, без шуток, задевает.

Под конец занятий мысли о Мурате улетучиваются из головы. Но судьба словно в насмешку подкидывает новую пищу для размышлений, когда, будучи дома, Денис открывает записную книжку Славы с аккордами, врученную им для самоподготовки.

На последних листах легкими карандашными штрихами нарисовано серьезное лицо парня с густыми волнистыми волосами. Там же и парочка скетчей вполоборота и профиль... до жути знакомый. Денис переворачивает страницу и едва не давится воздухом.

Этот рисунок изобилует деталями, и человек на нем, с этими кудрями и улыбкой, сильно похож на Славу. В углу размашистым почерком значится дата – два года назад, а рядом – почти стертые буквы «К. М.».

Денис очень надеется, что перед ним не старшеклассник Слава Банин, что подпись внизу оставил не Котов Мурат, чье признание капитану футбольной команды прогремело на всю округу.

Стало быть, слова Кирилла – не просто какие-то сплетни: Мурат когда-то рисовал предмет своего обожания – неоспо-

римый факт. Любопытно, для чего Слава хранит этот рисунок?

Денис со злостью кидает книжку на кровать. Не расчехленная гитара так и стоит в углу до следующего дня. Играть нет никакого желания.

* * *

– Не стой столбом! Пасуй! – Со стороны футбольной площадки, сквозь чью-то невообразимую брань слышится высокий крик.

Денис щурится от палящего солнца. Команда Саши действует агрессивно и метко, безжалостно забивает гол за гол. Девчонка принимает поддержку с трибун с нескрываемым самодовольством на лице. Славка со скамейки запасных надывает голос, сложив ладони рупором.

Толик подкачивает волейбольный мячик в полном спокойствии, абсолютно не реагируя на всю вакханалию, разворачивающуюся на другой стороне стадиона.

– Слава всегда такой?

– С шилом в одном месте? Ага. – Толик убирает насос в ящик с инвентарем. – Года два назад он пережил некоторое дерьмо на футбольной стезе. Быть капитаном – то еще удовольствие. Крыс в достатке. Подавай первым.

Денис играет с трудом. Рисунки Мурата никак не выходят из головы, и мяч нередко улетает в аут.

Толик недовольно кричит с другой стороны сетки:

– Ты чего как сопля? Соберись!

Не проходит и десяти минут, как Денис дает знак тайм-аута и устало упирается руками в колени. Нет, так дело не пойдет. Размякшие за несколько недель мышцы неприятно ноют, и внимание никак не удастся собрать в кучу. Ведь разминался же перед этим, пять кругов намотал, так в чем дело?

– Все в порядке? – Толик протягивает ему воду.

– Парит капец. – Денис прикладывает ко лбу холодное ребро пластиковой бутылки.

– Жар костей не ломит.

В перерыве Толя успевает сделать четыре круга и парочку комплексных упражнений. За это же время Денис выпивает всю имеющуюся у них воду.

Наблюдая за работающим Толиком, который без каких-либо признаков усталости берет круг за кругом, Денис мысленно сокрушается о том, что из такой дохлой клячи, как он сам, не вылепить даже что-то отдаленное похожее на Толю. Сколько ни старайся.

Автоматы с напитками, как на зло, сломаны, так что приходится несколько улиц плестись до ближайшего продуктового. В процессе непринужденного разговора с Толиком Денис ненавязчиво интересуется о конкретном аспекте жизни Мурата.

– Да, он когда-то рисовал. Помню, ходил в художественный кружок, даже в конкурсах участвовал. А потом пере-

стал. Сказал, перегорел.

«Перегорел».

Толя не говорит о своем лучшем друге больше необходимого и ловко лавирует между разными темами.

Знакомый колокольчик громко звякает, когда открывается прозрачная дверь магазина. Денис машинально смотрит в сторону кассы. Засада. Значит, у Мурата сегодня смена.

Толик легонько подталкивает в сторону зала:

– Сходи до холодильников. Возьми три минералки и один морс для Славы. Я тут поболтаю пока.

Денис уныло угукает и скрывается в лабиринте стеллажей. Холодная вода находится в самом конце, в трех пролетах от кассы. Спешно миновав людей с нагруженными тележками, он останавливается перед прозрачной дверцей с рядами пластиковых бутылок за ней.

Отсюда хорошо видно, как Толик и Мурат о чем-то увлеченно разговаривают, но из-за шума кондиционера их слов не разобрать. Неожиданно Мурат взрывается смехом, ярким и громким, как конфетти. Эти двое общаются без каких-либо препятствий, совершенно свободно и расслабленно. На расстоянии трех стеллажей понятно, что Мурату с Толиком комфортно и привычно. Прямо сквозит этой преданностью и атмосферой лучших друзей.

Негодующий Денис проходит мимо отдела с канцелярией, когда в его голове появляется одна идея. Оторвать желтый стикер с блокнота – легче легкого, но пальцы предательски

трясутся, черкая слова и цифры остро заточенным карандашом.

Толик, к счастью, уже ушел. Мурат встречает привычным недовольством в глазах, но Денис взгляда не отводит, напротив – еще и хмыкает высокомерно. Секунды идут мучительно долго по мере того, как стремительно растут сомнения. Когда Мурат озвучивает сумму, становится ясно – терять уже нечего.

Тот разворачивает смятые рубли и задерживается пальцем на яркой бумажке с жирными каракулями. Денис мгновенно хватается бутылки в охапку и дает деру, позабыв о сдаче.

* * *

– Говорю тебе, победа у нас в кармане. – Славка по-хозяйски закидывает ногу на ногу. Денис отвлекается от перебора струн и поднимает голову. – Еще пара недель тренировок, и от городских просто мокрого места не останется.

– Тогда может отнесетесь лояльно к моему желанию расслабиться? За предстоящую победу, так сказать. – Сашка, расположившись по-турецки, вырезает картонные буквы и клеит их на разложенный ватман.

Толик на манер сестры тоже ловко орудует ножницами. Белое пространство на полу постепенно обрастает чем-то красочным.

После слов Саши Слава недовольно цыкает:

– Повзрослей сначала. Стукнет восемнадцать, тогда шатайся по клубам сколько влезет. А сейчас рисуй и клей, раз в школе сказали.

Та не унимается:

– Выпуску на фиг не сдались все эти стенгазеты. Им лишь бы побухать. Мне всего два года осталось до совершеннолетия. Почему я вообще должна спрашивать разрешения?

– Будешь ныть, – отвечает Славка, – заберу с собой на работу в ночную смену.

– Ханжа и зануда. – Саша обиженно бубнит это под нос. – Будто сам в свое время никогда не бухал. Толя, скажи ему!

– Я всецело за него. – Тот методично занимается стенгазетой, не особо интересуясь предметом разговора. – Пить для девочки – некрасиво.

Саша взрывается, как Везувий.

Пока трое ожесточенно спорят о гендерных стереотипах, Денис задумывается о выпускном, до которого уже рукой подать. Он ведь тогда написал Киру от банального отчаяния, будучи уверенным, что ребята больше не заговорят с ним. Однако все неожиданно перевернулось с ног на голову. Кир там будет и точно ответит на все интересующие вопросы насчет Мурата, только за нужную ниточку потяни. А может, и тянуть не придется – язык у него все равно без костей.

– А вы-то как? Пить идете? – Денис вдумчиво крутит колки на гитаре.

– Идем, – Толик кивает. – На официальную часть точно.

Школа пригласила.

– Насчет вечеринки – как карта ляжет, – дополняет Слава.

– А что? Тоже хочешь сходить?

– Меня уже пригласили. – Денис стряхивает усталость с рук. – Кирилл. Знаете такого?

Саша смешно выпучивает глаза:

– Ты про Принца? Кирилл Пегов тебя пригласил? Респект. Может, тогда замолвишь за меня словечко?

Голос Толи отдает сталью, когда он обращается к сестре:

– Саня, сгоняй-ка на кухню. Маме, наверное, помощь нужна.

– Не, клеить дофига еще.

– Сам сделаю. Иди. – Повелительные нотки, такие нехарактерные для доброго лица Толика, заставляют Сашу (не без ворчания) выйти вон.

Денис хмурится в подозрении. Зачем так настойчиво сплавлять малую? Когда Славка начинает отвлеченно хрустеть кулаками, приходит понимание, что сейчас что-то будет.

– Ты. – В глазах Толика едва заметная паника. – Ты, что ли, с Кириллом якшаешься?

Денис старается делать максимально непринужденный вид, однако то, какие молнии мечет своим взглядом Слава, не по-детски пугает.

– Нет, я не дружу с ним. Но хотелось бы. Он прикольный

вроде.

– Это, конечно, не наше дело, – отвечает Слава. – Если уж так приспичило – скорефанься. Но мой тебе совет... будь с ним начеку.

– А есть о чем волноваться?

– Поверь на слово, ладно? – Слава опускает тяжелую руку на его плечо и крепко сжимает. Этот жест четко сквозит неприкрытым принуждением.

– Не ладно. Хватит юлить. В чем дело? – Денис чувствует себя сжатой пружиной – еще усилие, и рванет.

Толик подает голос:

– Кирилл Пегов – темная лошадка. Заруби себе это на носу. Говоришь, он сам тебя пригласил? Тебе лучше не ходить с ним на вечеринку. Неприятности тебе обеспечены.

Денис из кожи вон лез, чтобы подружиться с этими двумя, но сейчас он готов пересмотреть свои приоритеты. Подобные туманные объяснения раздражают его.

– Я уже решил, что пойду. У меня день рождения в этот день. Спасибо, что предупредили, но мне нужна компания.

Славка мгновенно меняет гнев на милость:

– Ну ты артист! Чего молчал-то? Сходим вместе, раз такое дело. Сколько хоть стукнет?

– Вот карта и легла, – слышится смешок Толика. Он возвращается к оформлению стенгазеты как ни в чем не бывало.

Денис безвольной куклой откидывается на спинку кресла. Этот разговор отбивает всякое желание играть дальше.

Предложение повеселиться вместе – очень к месту, но пахивает чем-то подозрительным. Если бы Денис знал, что Славка с Толиком сами предложат свое общество, не пришлось бы с большим рвением жрать себя заживо.

Надоели недомолвки. Хватит. Он не хочет додумывать. Однажды настанет день (выпускного?), когда кто-нибудь скажет что-то более информативное, чем снисходительное «поверь на слово».

* * *

Денис возвращается домой ближе к восьми вечера. Бабушка встречает его с пустой лейкой в руках и рассерженным: «Ну, шатань!». Полив огорода растягивается почти на час.

После ужина звонит мама. Денис, сытый и распаренный после душа, застревает у телефона еще на добрые сорок минут. Расчесывая комариные укусы до выступающих бусинок крови, он слушает о делах семьи и осеннем отпуске, который мать от и до уже спланировала.

В голове громко щелкает после того, как из трубки звучит, что подарок на день рождения уже куплен и он, внимание, «позволит в полной мере раскрыть твой талант, дорогой». Что родители могут знать о его талантах, если всю школьную жизнь намеренно подавляли их?

То, что на день рождения придет фотоаппарат, сомневать-

ся не приходится. Мать не знает ничего, кроме фотокружка, в который Денис ходил от нечего делать. Но предвкушение и радость приходится симитировать, а то, не дай бог, еще посыпятся вопросы о здоровье.

Дремота нападает уже при подходе в комнату. Смартфон, небрежно оставленный на кровати, мигает светодиодом. Денис встает как вкопанный. Перспектива наконец отдохнуть уходит во второй план, уступая место нарастающей панике.

Магазин. Холодильник с минералкой. Сорванный стикер. Беспольные потуги выглядеть грозным и оскорбленным. И номер телефона, оставленный остро заточенным карандашом.

Вспотевшие пальцы нажимают на кнопку блокировки и в спешке вводят четырехзначный код. Сердце грохочет в висках. Дыхание застревает в глотке. Денис пялится на шторку уведомлений, как баран на новые ворота. Ответное сообщение Мурата точно пришло – диод же мигает. А потом корпус телефона внезапно вибрирует, и на экране выскакивает предупреждение о низком заряде батареи.

– Да чтоб тебя!

Мурат привычно игнорирует. Иначе и быть не могло. Слова Дениса в импровизированной записке, вызванные завистью и глупой обидой, просто не могли вызвать в Мурате что-то кроме холодного цинизма. Возможно, стоя за кассой, тот едва сдерживался, чтобы не засмеяться. А может, и не сдерживался. Если завтра об этом позоре узнают Толик и

Слава, Денис не удивится. Что сказать? Одним словом, дурак.

Ночь, вливающаяся прохладой через открытую форточку, обещает спокойный и здоровый сон. Но под утро Денис погружается в один из тех кошмаров, которые даже врагу не пожелаешь.

С крыши долго и методично капает. Булькает желоб, извергая дождь в металлическую бочку. Вода проглатывает Дениса, застревает в его носу и рту вонючей гнилью. Он отчаянно рвется вверх, к огромному солнечному блику, а воздух крупными пузырями выталкивается из легких по мере угасания сил. Он захлебывается, так и не достигнув дна, падает в вязкую тьму, чтобы позже очутиться среди гладкой белизны.

«Это ванна» — мелькает в мыслях, и вместе с этим рот наполняется вкусом ромашкового мыла. Денис снова тонет, снова кашляет и из последних сил борется за жизнь. Мягкие сильные руки тянут его тело вперед. Чьи-то губы прижимаются к виску. Чей-то заглушенный голос извиняется, пока Денис сплевывает горькую мыльную воду. Женщина со смазанным лицом истерично повторяет одно и то же, обнимая белыми руками. Затем Денис кожей чувствует, как эти руки грубеют. Знакомая ладонь, маленькая, с короткими пальцами, опускается на его грудь.

Мурат смотрит на него, как на Толика, смотрит, как на Милану. Так, как в реальности никогда точно не посмотрит. Уголки губ приподняты в легкой улыбке. Ресницы в свете

ламп подрагивают, бросают нежно-розовые тени на щеки. Внутри Дениса медленно, но верно распалается жар вместе с пугающим желанием коснуться лица Мурата рукой.

– Это твой подарок на день рождения. – Голос Котова похож на шелест осенней листвы: сухой и тихий.

В ту же секунду чужое усилие выбрасывает Дениса обратно в ромашковую воду. Он подскакивает на кровати, как ошпаренный. Руки и ноги бьет крупная дрожь, подушка мокрая от пота, а одеяло сбито в ком.

Сверкающие солнечные пылинки пробиваются сквозь щель задернутых штор, из-за двери слышатся шум душа и шипение чайника. Сквозь эти звуки телефон тренькает входящим сообщением.

Unknown

В 23:00 у маркета не опаздывай

Мурат все-таки ответил. И более того – назначил встречу.

Не пустое место

Мягкие сумерки уже сгустились, когда Мурат закрывает дверь магазина на ключ. Над горизонтом, где еще виднеются янтарные отголоски теплого дня, уже подмигивают одинокие блеклые звездочки. Развернувшись на пятках, он шаркает по грунтовке навстречу резко холодному свету фонарей. Прямо над головой с громоподобным стрекотанием пролетает жук-плавунец и прицельно падает в лужу. Мурат провожает его глянцево-зеленую спинку задумчивым взглядом.

Кто бы знал, как курить хочется. Почти каждый вечер он безбожно налегает на сигареты: пшик – и пачки как не бывало. Странно, что Толик, чувствительный к запахам, все еще не вынес ему мозг.

Рука ныряет в карман, нашарив помимо «Альянса» свернутые тысячи. Сегодня, после пары дней задержки, пришла зарплата. Как раз вовремя. Долг друзьям, которым его щедро наградил отец, нужно поскорее вернуть.

Когда мать легла в больницу, вопрос о деньгах встал остро. Лекарства никогда дешево не стоили, так что Мурат всегда тщательно планировал бюджет. Сейчас денег в его руках едва-едва хватает на все необходимое.

В тот день отец без предупреждения появился в больницу и принялся о чем-то говорить с матерью за закрытой дверью палаты. Выяснять отношения в коридоре больницы было не

самым лучшим решением в жизни Мурата. Его, взвинченного и разгоряченного от избытка чувств, отец за шиворот затолкал прямиком на заднее сидение машины.

Единственное, о чем мог думать Мурат в тот момент, когда машина выруливала с парковки на проезжую часть, так это об изрядно помятой гордости. Гордость – единственное, благодаря чему он до сих пор держится на плаву. Отец не постыдился ее уязвить, когда затормозил у дорожного вычурного ресторана.

В такое место, сверкающее чистотой и роскошью, едва ли кто ходит в потертых джинсах и мятой рубашке. Мурат чувствовал себя ужасно под оценивающим взглядом чванливых незнакомцев, коротко кивающих его отцу. Скромные по размерам блюда со сложными названиями пахли травой и не вызывали ничего, кроме желания побыстрее уйти. Отец ел медленно, как истинный аристократ, сидел с прямой, как жердь, спиной, не позволяя себе даже на миг расслабить плечи. В противоположность, Мурат, ссутулившись и специально расставив локти на столе, ел с демонстративным отвращением.

Разговор, и без того отвратительный, перешел на опасные обороты, когда на стол рядом с недопитым бокалом опустился пухлый конверт. Мурат ощерился мгновенно. Дураком быть не надо, чтобы понять, что внутри деньги. В отцовском жесте проглядывалось желание не помочь, а, скорее, оскорбить и подавить. Мурат беден, как церковная мышь, и мо-

рально почти раздавлен, а ситуация с матерью играет отцу на руку, как никогда.

Мурат тогда много плохого наговорил, послав к черту все условности. Непозволительно грубую речь отец слушал, не перебивая. Его взгляд глубокий, будто понимающий, вызывал бурю противоречий. Как только он заикнулся о Милане, Мурат уже минул точку невозврата – его прорвало напрочь. Он не постыдился нелестно спросить, все ли в порядке у впечатлительной мачехи-полячки с русским, или до сих пор ни «бэ», ни «мэ».

О кульминации вечера возвестил звонкий хлопок бокала, сжатый в крепком отцовском кулаке. Тот стряхнул стеклянную крошку с рук и грузно встал из-за стола. Мурат выслушал кучу нравоучительных объяснений, почему развод был так необходим, а конец отцовской речи вылился в нотацию об отсутствии здравомыслия у нерадивого сына. Кинув напоследок что-то про молоко на губах, отец забрал конверт и вышел вон.

Мурат праздновал победу ровно до того момента, пока не принесли счет. Около часа потребовалось, чтобы разобраться с переводом суммы от Славы на счет ресторана. Администратор смотрел на его внешний вид до невозможного безразлично, пока Толик говорил в трубку, что они до сих пор ищут исправный терминал.

После резкой затяжки во рту неприятно горчит. Дорога заворачивает за угол небольшого дома с красной черепицей. Мурат смотрит на железные прутья калитки с необъяснимой грустью. Когда-то здесь стояли деревянные дощечки, а рядом с тем местом, где кучей громоздятся садовые инструменты, раньше переплетались кронами две яблони. Двор Царевых Мурат выучил от и до, будучи мелким.

Он был в то далекое время неусидчивым ребенком, с вечно зелеными от травы коленками и упрямой потребностью рушить чужой порядок. Однако воровал всегда грамотно и редко попадался. Мурат хорошо помнит тот день, когда упавшие стволы распиливали на части и уши закладывало от рева бензопилы. Вместе с умершими яблонями детство дало трещину: в тот же вечер родители впервые поругались.

Мурат проклинает себя за лишние сантименты. Все уж давно быльем поросло, незачем вспоминать. Но тоска по обычному человеческому счастью засела в сердце занозой и ноет, ноет.

Из окна Царевых слышатся звуки гитары, а вслед – неловкое пение. Желтый свет пробивается сквозь полупрозрачный кружевной тюль. Силуэт парнишки слегка раскачивается из стороны в сторону, в такт музыке. Голос немного неустойчивый, с заметным напряжением, но с приятными

слуху высокими переливами. Царев Денис – талантливый малый, одна дикция чего только стоит. Слава и Толик хорошо его натаскивают.

Во внутреннем кармане Мурата желтый листочек, сложенный вдвое, словно жжет грудь. Почему не выбросил до сих пор – бог его знает. Он долго раздумывал над содержанием, и многое его до сих пор смущает.

Например, то, с какого перепуга Царев Денис вообще оказался в компании Толика и Славы? Чем сумел привлечь? Еще непонятно, какого черта Царев и Пегов прохаживались вместе в магазине. Если Денис так открыто общается с Кириллом, почему Толик и Слава до сих пор не узнали об этом? Ребята уж точно не предатели. Все это, вместе с содержанием записки, здорово путает мысли.

Царев явно действует по принципу «против лома нет приема»: врывается в чужую зону комфорта, надеясь получить хоть каплю расположения. Мурату несколько не стыдно за свое холодное отношение, ведь эмпатия от незнакомых людей зачастую имеет под собой подоплеку, и не всегда приятную.

Собака пронзительно лает, услышав скрип ворот и поступь по деревянному тротуару. Смирновы в такое время еще не спят: во всех окнах горит свет, а в гараже под звуки радио громко гудит болгарка.

Толина мама встречает Мурата в прихожей, когда тот мнется у порога, раздумывая, стоит ли сначала подождать,

а потом пройти, или лучше кого-нибудь окликнуть. Смирновых он знает с яслей, и стеснения в их доме никогда не испытывал. Но после тех мерзких слухов, которые два года назад пустил Пегов, здесь уже не получается ощущать себя, как прежде, расслабленно. Начиная с прошлого лета, когда Толик и Слава выпустились из школы и уехали в университет, Мурат редко попадался на глаза Смирновым. И только этим летом он решается идти на контакт, ведь Милане требуется безопасное место, где ей не причинят вреда, пока он работает.

Толина мама приобнимает Мурата за плечи и приглашает на кухню, где тут же накрывает на стол. Такая оперативность сильно смущает: хозяйева давно уже отужинали, и он не собирается оставаться здесь надолго. Ему бы сестру забрать, поблагодарить и отчалить.

– Мальчики сейчас спустятся. – Женщина вручает ему горячую кружку с клюквенным киселем. – А ты перекуси хоть. Исхудал совсем. Щеки совсем пропали.

Она тихонько присаживается рядом и по-родительски гладит сгорбившегося над тарелкой Мурата по спине.

– Приходи к нам почаще, хорошо? Не бойся принимать помощь, ведь в нашем доме тебе всегда рады. Пожалуйста, помни об этом.

Мурат отворачивает лицо, чтобы не показывать, насколько он тронут этой безвозмездной добротой.

– Ты ездил к маме? Как она?

– Еще месяц лежать. Врач сказал, все запущенно.

Его ответ звучит нехотя, потому что делиться своими проблемами – последнее дело. Поддержку других он намеренно не принимает, потому что боится быстро привыкнуть к хорошему.

Когда на лестнице кто-то зевает и половицы скрипят под тяжестью ног, женщина тактично уходит с кухни. Ребята жмут Мурату руку: Толик крепко и надежно, Славка осоловело и подслеповато.

Стул жалобно откидывается под Славкиным весом, когда тот плюхается в него, запрокинув голову и вытянув ноги.

– Спал, что ли? – Мурат доедает последнюю ложку плова, царапая ложкой по тарелке.

– Покемарил немного. Через час на смену.

Вид у него вымотанный и слабый: круги под глазами, как угольные пятна; голос севший, точно сорванный воплями. Похоже, друг сильно стрессует в последнее время. Слава сам предложил отрабатывать смены Мурата на заправке, пока тот ездил в город к матери и разбирался с прогулами в магазине. До чего же совестно. На нем ведь, помимо всего, тренерство и приближающиеся соревнования. Еще и Царев этот, будь он неладен со своими уроками.

– Я, наверное, поговорю с начальником, и тебе больше не придется тянуть столько на себе. Спасибо, что держишь мое место.

– Нормально же все было, чего начинаешь-то? – Славка

зевает так, что хрустит челюсть. – Просто делай, что надо, а тыл я прикрою.

То, сколько раз они виделись вдвоем, без Толика, можно по пальцам пересчитать. Инициатор подобных встреч – всегда Слава. С ним один на один приятно молчать: посиделки с пивом и чипсами могут начаться в безмолвии и так же закончиться. Он никогда не требует особого отношения к себе, не навязывается с советами, потому что знает, что Мурат не ребенок и в состоянии разобраться со своими проблемами сам.

Шумит блендер. Толик долго смотрит на то, как его любимая курага превращается в кашу. Пока друзья разговаривают между собой о чем-то локальном, Мурат думает, что настала пора обсудить с Толиком важные вещи.

Сейчас его волнует многое, и обнажить душу он может только лучшему другу. Слава не в курсе многих вещей, с ним откровенно не поговоришь. Зато он хорош по части физической силы и в прошлом рвался ломать носы всем, кто хоть как-то Мурата ущемил. Именно у него в свое время Мурат научился давать сдачи.

– Сколько я там должен? Тыща девятьсот? – Нужно поскорее закончить с этим: побегал уже в должниках, хватит.

– Э, убери-ка это! – Слава, коротко взглянув на протянутые купюры, выставляет вперед руку в категорическом отказе. – Совсем меня не уважаешь? Я ведь тебе помог, а не в долг дал. Чуешь разницу?

– Ну погляди на него. – Толик хохочет, провожая Славку до прихожей. – Рыцарь на белом коне.

Тот с самодовольной лыбчонкой накидывает на себя джинсовку и уже тянется приобнять друзей на прощание, как Мурат вскакивает с места:

– Постой-постой. Я с тобой пойду. Толя, позови малую. Ей уже пора.

Ответ звучит с сомнением:

– А остаться не хочешь? Мила уже переодета и спит. Мне разбудить ее?

– Спит? Наверное... – Малая обычно всегда ждала брата и не засыпала до его прихода. На самом деле будить ее хочется меньше всего.

– Хватит морозиться, как барышня. – Славка готов вот-вот уйти на работу, подгоняемый временем. – Милана устала и сегодня совсем мало ела. Ничего ужасного с твоим домом не произойдет, если ты один раз переночуешь не там.

Мурат кивает на его слова с виноватым видом. Дверь захлопывается за другом, обдавая ночной прохладой.

* * *

Мурат переодевается на Толиной половине комнаты и спать будет на его кровати. Сашка, его соседка поневоле, узнает об этом, только когда вернется из гаража, где сейчас помогает отцу с машиной. Ее реакцию легко предугадать. Из

кармана джинсов выскальзывает желтая бумажка и попадает под пятку. В этой части комнаты нет оконного света из-за широкого шифоньера, но даже в таком освещении записка остается читабельной. Буквы жирные и местами кривые, видно, что карандашом водили резко, со злостью и обидой.

«Я не пустое место. Назови причину, почему я не должен жать тебе руку».

Кто бы мог подумать, что Царев Денис, этот бесячий мальчишка, осмелится на такую выходку. Еще и номер любезно написал. Видимо, в желании получить «причину». За всю жизнь Мурат получил порядка сотни записок, и все они либо сочились ненавистью и пожеланиями скорой смерти, либо пестрели нарисованными членами и просьбами взять в рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.